

Ал. Акулов

В ПОИСКАХ

беспредметного,

или Вести из междумирья

Александр Акулов

В ПОИСКАХ

беспредметного,

или Вести из междумирья

СТИХОТВОРЕНИЯ

Статьи о поэзии

 ALTASPERA

Торонто

УДК 821.161.1 + 82.01
ББК 84(2Рос=Рус)6-5 + 83.3
А44

Александр Акулов. В поисках беспредметного, или Вести из междумирья. Шесть книг стихотворений. Статьи о поэзии. — Торонто.: Altaspera. — 366 с.

© Акулов А. С. В поисках беспредметного. 2002, 2009.

© Акулов А. С. Статьи о поэзии. 1991–2016.

Книга «В ПОИСКАХ БЕСПРЕДМЕТНОГО» — это:

- контрклассика;
- «нон рюсс советик»;
- небытовая тематика;
- сюрреалистические сверхмиры.

Особенность данной версии: статьи о поэзии.

Формат 60 x 84/16.
Цифровая печать.
Усл. печ. л. 23.
Altaspera Publishing House
1415 Limberlost Road
Huntsville, Ontario, P1H2J6
CANADA Tel. 1 705 571 4325 altaspera@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

1. <i>Книга первая</i> «ВИДЕЗИЯ» (1967 — 1976)	5
2. <i>Книга вторая</i> «БАШНИ» (1976 — 1984)	85
3. <i>Книга третья</i> «ОГРАДЫ» (1984 — 1992)	159
4. <i>Книга четвертая</i> «ШПАЛЕРА» (1992 — 1996)	231
5. <i>Книга пятая</i> «СЛАДКИЙ ДРАКОН» (1997 — 1999)	287
6. <i>Книга шестая</i> «ЗМЕИНЫЕ ИГРЫ» (2000 — 2001)	319

Статьи о поэзии

Поэзия в неспецифическом смысле	340
Еще раз о поэзии	341
Символизм	342
Антиинформация	345

Мистика и символика	346
Сюрреализм	349
Неосюрреализм	350
Потребность абсолютного	351
Реализм и натурализм	352
Причина падения символизма	354
Верлибр не освобождает...	356
Постмодернизм	357
Постструктурализм	359
Смерть поэзии	360

Книга первая

Видеэзия

1967 ~ 1976

ищу границу между сном
и жизнью
брожу в осенней темноте
Селена жуткая стремится
к потусторонней красоте

внезапно схваченные пятна
трясущиеся существа
и в переулках и проулках
Бегут и Шепчутся плеща

иду, где кругом толпа творится
у стен затаился холод
все еще снится
сизая птица
в омутах неба томится

по улицам синим ладан струится
тени по стенам мелькают
всё еще снится
вечность дымится

в полутонах умирает

Вчера,
как только свечерело
Сwirели вечера загудели
черно-белое небо
зашелестело
манило-звало

в тридесятое царство

стеклянно звенели звёзды
теряли ядовитые слёзы
и было холодно в долине

мелькание крылий
то ли ветра порывы
уносили-уносили

в бессилие

Жил-был
в какой-то точке мира
человек с полосатой душой,
прокушенной собакой.
С рафаэлевской шеей,
свободной от головы.

Потом
повешен он был на заборе.
И кожу ободрали.
И красные ребра выпирали...

В сарае
лежало еще много тел
ободранных, бесстыдных и холодных...

Убийца рядом выл.
Кровавая дубина — в крольчачьем пуху.

Увязуюсь в незримые волны,
Черный город в огнях и безмолвен.
В темноте — немогласые стоны,
О стихия, с тобой я помолвлен.

Измощенное небо беззвездно.
Равнодушно, хоть млеет с зарей.

Точно знаю, что верю во что-то,
Гаснет эхо ничто за горой.

Стог в куске темноты. Дует ветер
в Дали.

Над домами вздыхает сиянье.
Что-то очень темно и небес плотно
продолжает в чернилах купанье.

Мир, колеблясь, стоит. Мир лениво
творит.

Облетавшие воздух мотивы
Были так холодны, были так
дремотн'ы.
Так тянулись бездонно разливы...

Будет день или нет? Грянет чахлый ли
свет?

То не знаю и думать не смею
Несмолкающий бред, бессловесный
совет
слышу я в облаках. И немею.

Осенний человек то тяжело дышит,
то паутинно-призрачно.
Ночью спит в гробу он сосновом,
а утром бродит, как тень

Заклинания его бессмысленны,
но вспоминаются
иногда в просторах других
сухими словами,
сухими, как сухи листья.

Иногда из забвенья уйдешь,
очнувшись от крика его
в некоем странном не-здесь
и сам закричишь, не поняв
кто кричал.
И забудешь про крик этот страшный.

В полусвет лёд скрывает

цветные атласы

Кто-то прильнет и увидит под ним лабиринты.

Кромка стекла вдруг запахнет смолой

и полынью.

Вспыхнет озеро быстрых снов

над ушедшей вселенной.

Фиолетовое!
Белое самоубийство!
Черномазость!
Туманности вскрик!
Замерзшая жажда
 проносились...

— Улыбался
 озерный лик.

Как только я рукой махну
Мгновенно гаснет горизонт,
Мгновенно травы отцветут,
Туман придет с болот.

И в черно-синей светлоте
Я слышу красный смех
В тлетворно-тихой теплоте
Несется бога бег...

Удаляющееся дрожание.
Отзвуки голосов.
Весеннее хохотание.

Музыкальный зов.

Стонет вьденье.

Звуковая капель,

Изломанные
линии.

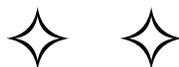
Волна и повитель.

Светят, светят над болотами,
огни ходят незабвенные
нарисованы извилины,
бродят чувства черно-белые,
и прозрачные рассветные
просыпаются видения,
где на травы переплетые
идет жёлтое черчение.

Так отплыть из мира хочется
и проникнуть в глубь безвестного.

То, что тлеется, то просится,
из простора рвется тесного.

Всюду
грезятся
чьи-то поползновения.
Просыпаются сомнения.
Кто воду колеблет.
Бубнит в нее.
Небо еле-еле
морщится. Видится
далекое курение.
Плотоядные звёзды
клыки
наточили.

Жертвы будут.
Будет кровь овечья.

Когда наступает ленивая полночь
И приходит с теплого темного неба,
Сильнее — пространства скованность,
Страх земли от небесного зева.

Будто на горизонте скрипнут зубы,
Леса и поля опьянеют...
Заиграют невидимые трубы.
И долго аккорды реют.

Под речными кувшинками
 будто колышется
 царство,
Будто кто-то ходит,
 дергает за кувшинки.

Хочется окунуть голову
 в сплетение
 водяных растений,
порвать благоухающие
 тычинки.

Волны стеклянные синие!
Видимые на другой планете,
где волшебство без мыслей,
безгласое,
неверное.

Волны стеклянные синие!
Невидимый беззвучный ветер.
Нет мира! Только волны синие
на тающей планете.

Нет мира! Только волны синие
Невидимый кипящий ветер...
Уходили они, уходили они
в воздух тихий, в тени летние.

Болото закрыто ветвями ив.
Ветер шальной смиряет порыв.
Здесь притаился огонь живой,
Закат водянистый радостно-злой.
Здесь спрятаться можно
от дел
не-своих,
Сплести шалаш из смеющихся ив,
Смотреть, как небо злое поёт,
Как запад в рощу заводит рот.

Весна пропитана смертью
 ликующей
когда выжимает крики из птиц
 соколиные глаза лазури —
блуд слитый изо всех зениц

Красота — это цветок на смерти
сдавленный безветрием покой
в каждой почке, на каждой ветке
распят смертевлюбленный зной

Тихий шелест летит из окна
хлопает ленивыми
глазами
вья с ветром
вья
только уличные окончания

Белый мир —

белый сон,
слипнут с незелёными

листами,
огибает озеро дня
в дымах над прозябаньем

Карандаши превращались в слонов,
стадо мамонтов билось о стены
пока на кровле не стукнула крышка пюпитра,
в то время когда профессор
погружал очки
в аквариум,
где личинка жука-плавунца
пожирала эскадренный миноносец.
Этот корабль выстрелил из пушки
Петропавловской крепости, —
о тучу ударилась форточка
и упала зеркальным дождем.

Было 12 ч Кайнозойской эры.
С моста спускался 10 троллейбус,
отрацивая на токоприемниках прозрачные крылья;
с искрой поднялся в воздух
и превратился в маленькое пёстрое песчаное насекомое,
летающее
с жалобным гудом
над останками прибрежной норки,
что 2 минуты
или 1 млн. лет назад
была размыта мутной волной,
оттого что безумное стадо мамонтов
ровно в полдень
свалило скалу

на том берегу
реки плейстоцена.

Карандаши уходили в Атлантический океан,
подводными лодками возносились на небо,
задевая вёслами за башни,
шпили,
горный хрусталь
и слоновую кость.
Дрожали здания,
эхо видело сон,
стадо мамонтов билось о стены.

я шла по китайским дорожкам
по ступенькам, цепляясь за кусты,
я несла сумасшедшего бога
в желтой тыкке зелёной мечты.

Мое тело пронзала жажда,
неуемно косила и жгла,
на ступеньках ругалась стража,
и горела на башнях молва.

я рабыня сквозь камни цветные
в перспективу китайскую шла
сквозь миры, где драконы
светились,
и вздыхала лазурная мгла.

я держала туманного бога,
в вещих снах, засыпая, плыла,
и о сны спотыкалась дорога,
в стенках мигнов дорога сквозь «я».

Вселенная во мне...

Фофанов

во мне залаяли собаки
Так приглушенно далеко,
Во мне раскрашенное солнце
стиль возлюбило рококо;

Во мне проехали колёса,
Вдавили краски в забытьё,
Во мне, блажа разноголоса,
бежит пространство
не моё.

в лесу есть желтые дорожки
Они сродни чужим мечтам
Они ведут к иным звездам
Они — изваянное лето
По ним крадётся белый день
С востока к западу сжимаясь
Сливаясь с предвечерней далью
туманнопряных перемен

Сном плыву, а вокруг — облака,
Белый мрак серебристого дня,
Белоозерный остров в цвету,
Отцвету в обомлѐнном свету.

Обелѐнный пожаром своим,
Обезмолвлен шептаньем светил,
Я один белладонн Аладдин, —
Умирая, парит белый мир.

на заре
я убью человечество
И почувствую ласку свободы
И открою священные речи
Просветленной спокойной природы

Буду слушать как дождь
с крыши капает

Буду длить каждый отзвук поющий
И ходить буду в розовом платье
И тогда только
Буду живущим

Я помню, мы были бизонами
Когда не гремели мосты,
Мы к гулкому миру бежали
По тропам земной красоты;

Бросалось на нас это небо,
Зенит над каньонами гас,
Мы чуяли звёздные недра,
Где таял бессмертия глас...

я сомкну с небесами цветы
зачерпну зачумленной воды
с зыбвселяющим запахом

СНОВ

высь прозрею, где утро поёт
где гремят голоса грозовых
гремогромных
гроблёных гробих

Бех!

Бых!

Бох!

Дох!

Дых!

Дух!

Пых!

Пых!

Поз!

Рех!

Рек!

Рух!

За темной марой — кошачий крик.
В окна смотрит зубатый лик.

Ведьма ходит под потолком,
зарезали лешего за углом.

Кто-то царапнул дверь и замок,
кто-то ударил — выбил замок.
Кто-то кровавый взошел на порог,
умер в небе туманный боГъ

Светлая ночь

эта улица каменных мамонтов!
обе стороны темны до крыш

уменьшенный звук птичелистный
со вздохом тумана бледно слит

запах дали высокой тонет
в запахе моря, играющего в озеро

роса ощущается кожей,
языком, тротуаром, стогами

Мелки зелёные листья
Серые арки в росе
Видал с высокой башни
Сон, тот, что вижу сейчас

Счастье ореховых веток
Колесницы сбивали наземь,
Небо было родное
В щелях ограды — лучи

дурихвостка глядит из небес
Дрогнул ум и затрясся в тоске
То видение хуже, чем смерть
Оборвались следы на песке

Её клюв окровавленно ал
Её крылья, как книга судьбы
Черный крик на пространства упал
Вновь сомкнулись окружности тьмы

жёлтые квадраты ночи
похожи на осину
и на тоскливый флюгер
Сиянье на углах листов
— дар боЖий,
уменьшенный заплаканный меркурий

я чешуей летической сливаюсь
с роями саламандр в алмазном звуке
Все видимое светит по-фаюмски,
над чащами являя хаос

Мелькнуло оранжевое,
по свету — черное,
расплатилось громовой трубой

то жгло не сомнение,
а взгляд из отдушины,
который был не собой.

Разные звенья
всяческих изменений
не ворошили праха
и пыли земной,
но склонились к тому,
что присно придано

оловянной силой — глухой.

Фиолетовая плоскость.

Кустики деревьев.

Над далёкими асфальтами —
разговор лучей.

Бегу по крыше троллейбуса,

хватаясь за обе проволоки.

Радость моя иная —

блещущая лазурь.

там, где никто не ожидал
внутри посеревших точек
открылись цветные квадраты
заколдованный мир в них
 сверкающий жил
в них пропела вселенная
песнь свою скрытно
 от взгляда
 мирского
к ним восходила вся сила земная
 и из них разрастался космос

В этих смещениях
 Запаха, Боли
и Цвета
абракадавр дышал...

В дне ином я,
и желтые аисты вьются
сходят со стен
и целуются
в розовом сумраке,
сквозь меня прорастают деревья
и тянутся к небу

Прочертились дорожки
светодышащей воли
неверной...

Далеко,
но так близко
всё, что видел я в воздухе тленном.
Помутнела слюда,
проявившая образов мир.

я дверь открыл
и во мне потухло
черный зверь с закрытыми глазами
завопил...

стало ясно:
это он одеколон украл
из парикмахерской

и грабли ему в спину вонзил

И хотя я шел из голубого простора,
этот зверь всю мою память перегрыз

в черном поле кончается ветер
нет светил и небо невнятно
Здесь очнуться судьбой суждено
Ты забудь всё, что было до этого
и считай, что дорога чужая,
не думай, как ты попал сюда,
думай: родился здесь

Тогда голос услышишь странный
Он не позовет, но вздрогнешь

Он проникнет в тебя
пропитает насквозь,
и ты помыслишь, что это было когда-то,
поймешь, отчего поют раковины,
провода и планеты,

зазвучишь сам неслышно,
потеряешь размер и пределы,
вернешься к тому, что в начале,
увидишь
зачем ты живешь,
и что в тебе есть не ты,
а «кто-то»,
станет ясно тебе,
тот,
кто неслышно толкает к пропасти мира,
но сейчас ставший явным и слабым

в перворожденном виде своем.

облака кусаются, кричат
мутные кусты шевелят листья
пепелища тянут тонкий смрад —
всё поггло, лишь свеча курится

лишь дымок струится за окно
на подсвечнике дрожит Помпея
и отправиться в ничто не суждено
постоянству измененья

языки за горизонтом точат свод
плывут чудовища семиголовые по морю
перстья растопорил похотливый Gott
кличет странников
позавтракать судьбою

я уходила к черте горизонта
 скрывалась в зелёных волнах
 зеркальных изломов
кричала полуденной тоске
 небесного ветрила
Но шепот ужаса был рукою оловянной
Чугунный мамонт на меня наступает
 ежечасно
О... серая ступня мелькнула под облаками

снова бяка в лугу поселилась
Её струны щипали черту
До утра ее Светлая милость
Крик кошачий держала во рту

В очаге шушмара пузырилась
Я волшебней огня не ищу
До утра её Светлая милость
Челюстями щипала черту

Я зову оголоду из мрака
Огласить незасвеченный страх
Но пришла усыпальница-бяка
Вздёрнуть зубы на тонких ветвях

Огни простираются глазами зверей
Только в поле мохнатая лапа туманится
Там. Вон там, на равнине,
вдруг вспыхнуло мела белей
Luciferus ли, боГъ ли отверженный
кра́дется?
Бесконечны заборы, а за ними не видно
ни что.
Пашни. Пашни. А в оврагах снуют
беспам'ятницы.
Обрати на сосну в онемевшую сутемь
лицо:
сон... сосна... не во сне ль эти совы
слетаются?

если разделить небытие
на две части
то получатся
два неполноценных мира,
начиненных
изгнанием из рая
и пораженных
первородным грехом.

А так и есть,
что небытия внутри
много,
много миров,
в себе существующих
и вместе небытных.

великий госпоДь
опустился на Землю
и хил стал
и слаб
его записали в рабы
вола вместо
впрягли
тянуть тягло

И тысячи тысяч боговъ
арбы тянут
с пеплом миров
под музыку разума,
рвущего волю
на части.

Звери-звёзды воют каждой ночью
над берлогой схимника,
бросают пламени цвет
на серо-песочные камни.
Хватка неба всегда запредельно уныла,
сведение ропота к ней отчетливым
кажется.

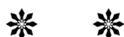
Тучи востока, как божие брови, сердиты,
глаголют тьмами они и лаем ушедших
народов.
Чем темнее — тем ярче в глазах
бездна мира,
Челюсти бога тоска по бессилию сводит.

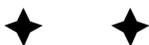
В тех лиловых поясах земли невидимой
я снился призраком иль принцем,
иль бродягой
Вода и трава были яркие,
а стволы
огненны,
но их хранило мохнатое чудовище

Оно родственником моим грозило стать
и я скрывался от него в шалашах
и уплывал на лодках

Когда спало оно, я на свирели играл
и разговаривал с Рощей ее голосом.

отобразилась синева на пятнах
и припал я
к морю ускользящему в хаос
трубы похоронные чернели
уходили тенями по ветру
два последних медных звука
прочертили
ожерелие для ситцевой психеи
Я увидел гроб смолёный,
что ложился
с двойником моим у лукоморья.

Подвизались тучи в ведовстве и белой магии
дурачили горизонт белесый закатный
волновали глубинность тонкозвучной арфой
рисовали над собой миражи и дороги
уводящие так далёко, что стекленело дыхание
Прикидывались богом языческим
манящим и грозным
сплетали мир вечноблаженный, бестрепетный

звуки забытых оркестров выходят
из ниши воображения.
Ходит тромбон по ночному потолку
фантазии,
прожекторным лучом звука зачеркивает
Бетельгейзе,
но она продолжает гореть и горит еще ярче, и непонятно,
почему небо поёт,
и звезда говорит звезде
голосом забытого «колокольчика»,
нечленораздельно.

Лучше считать, что выключен «колокольчик»
над черным пространством,
что не шумят деревья,
не режут на земле истребители,
и остается лишь тютчевский гул
и синяя песнь гололёда,
шорох бледных лучей
и дыхание
мартовских клёнов

Туда где светло
куда лики земли не доходят
где игра полуснов
чуть колеблет сознания сок

нити памяти
словно змеи на стёклах
бессильно
поднимаются
падают
и, скользя, поднимаются вновь.

Этой песней пропитана жизнь всего,
что дышать еще смеет.
К тому озеру Первому
озарение неми растет

Я родил мать всевышнюю
и в безбрежности
не найду её

Горизонты каменеют
пустынные
и клокочет
бестелесный поток

в древнем я забыл
гласа ключей язык
гласа смертного
горькозвучного

Красные росы в матовых обликах луга
Утро — запотевшее зеркало мира
В сочности трав — затаенная вялая смуга
Прелюбодеяния цветков беспечны

Клянусь тебе шелестом клинолиста,
ихтиозавра сердцем,
что нас давно нет.

Мы, как звёзды, потухли в развёрзнутых
безднах,
и остался от нас обманчивый свет.

Мы — багряные отблески
далёких вулканов.
Мы исчезнувших радуг капли в ручье.

Солнце.
Осенняя терпкость. Хруст гальки.
Узкие тени маячат.
Осенняя воля-в-сейчас.

Дрожь земли,
ть, гул, скрежет — ударило в воздух.

Всё перемял и смолол танец железных
колёс.

далёко чудится заря прозрачная
без сводов мир недвижимо царящий
просторы затонувшие
 в скважинах провидений
статуями туманными
 восходят на черту

Мгновенья неистлевшие
 размытых тысячелетий
свиваются в великое
 кольцо надмирных гроз

спешишь на край и в провалы летишь
бесконечное время туманнее сна
дыры темных колодцев в многошумную
тишь
открываются скрытно, затаив челюстя

Ослепление медное
ртутный вкус на губах
рвёт сознание невод медлительных дней
Над землей поют трубы сильней
и сильней
мир сжимает в объятых немая рука

Луна. Сверхчеловеку подобная.
Высокая. Полная.

Царит над равниной.
Свет ее желтый превыше Бога.
Облака и деревья приземисты.

Белое безумие дышит из-за гор
В бледном сне воюет с тенями озёр
Без огня сгораешь у глухой черты
Опадают, кружатся смертные листы

Черный крик проносится по сверхбытию
Западает тенью в голову твою
Там уже скрестились тысячи теней
У невнятных, пристальных,
неживых дверей

воля нестройная белых созвездий
мир закрутила в невидимом сне
внутри за вещами жар песнопений
чувствуешь, близко созвучен тебе

токов неясных ловишь дерзания
не видя их, знаешь их, чувствуешь,
ждёшь
ветер доносит вершинное знание
и глаза закрывая, видишь не ложь

Мир стоит, но колышутся ветки
неподвижность небес велика
Бледный крик удаленно-неметный
на окружность взглянул свысока

Утонули взмахнувшие крылья
в высочайше туманной заре
Водянистые очи открыли
смысл лазури, звенящей во мгле

Мир струит покой и покоренность,
Дрожь души всё тише, но сильнее,
Похороненность в очах,
 как горизонтность,
— яркий облик истины моей.

Всё провидишь сквозь миры — я знаю,
Сокровенное без слов — твой парадиз,
Мыслью я тебя не различаю:
из напевности беззвучной ты глядишь.

свет яркий вздрогнет
и увидишь ширь свистящую
и сотни раз квадраты снов пройдут
качает небо
тишину необъятную
где вспышки времени взрываются во льду

всё повторится эхом
всё в глазах смешается
а как в себя придешь
— не вспомнишь ничего:

Тонкопрозрачная душа с горы спускается
и тень её ложится на крыльцо

снова мир проснулся и угас
снова дух сплотился и взлетел
едва миг очнулся — он исчез
и невидим стал ни для кого

в ослепленье всходит око на миры
и влачится в обесмысленной пыли
только вздрогнет огневая
полоса
и закроет недовспомненность глаза

* * *

я не могу назвать словами эти лики
пусть знаю что они, зачем и для чего
они сплелись со мной, как повилики
Они — как жизнь, они — как ничего
возводят будто арки неземные
семиугольным кругом давят мысль
Хоть фиолетовы они, но огневые
бросают отблески потерянных отчизн

Сахарно-горькая жаркая изморозь
черно-пурпуровый воздух
лепет в воде и брызги
в потусторонней воде
Это колдует всё он
смутный ожог глубокий
смутный ожог на том
что незаметно для чувств
Есть ли он, нет ли
но реют глубинные рыбы
в потусторонней воде
фонарями глаза расцветив

Оно было полдень
скрипели колеса
и в даль уходили миры и миры
Молчащие мифы
на водах бездонных
разлились лучами звенящей зари
Все духи родные
бездумно глядели
в расширенный бред
 колоннад бытия
заполненный богомЪ
сосуд беспредельный
волна бестревожная прочь унесла

отгоняю дубиной комаров от болота
и растерянно в дали гляжу
безымянные

Вот и свет мне дан
и нет ничего за берёзами
и за небом крутым
взверченным, падающим
Голос солнца в волнах отразившись
кругами
уже дни сосчитал из
несчетных мгновений
О госпоДи!

Листьев шероховатых, облаков незаконченный ряд
скорбно-чистый напиток принимаю как прежде
любя

только лень подниматься и бродить

среди владений своих

запылилась душа, зашумел глухой зеленью сад

Белы кости миров
где листовяные арки
тропы ветра хранят
где поют только ласточки

в тонком звуке теряюсь
хоть в вереска соке
бледный дух осязает мой
боГа погосты

я не сплю, но всё ближе к живому
подхожу огню сновидений
голубые знамена победы
привидением мощным проходят

бьют часы на стеклянной башне
и бросаюсь на землю со шпилья
крылья мельниц покорно застыли
умер в облаке друг мой коршун

Желтая ночь бдит на шельфах
ушедшего моря.
Озеро конь обегает, свободный от пут,
в самом низу под обрывом,
где высохло море,

в шелесте ветел и плеске на озере лун.

Желтой дороги песок ведет
через впадины поля,
через деревни соломенных крыш,
в никуда,
в прошлое ночи,
где дышат чудовища моря,
и перевернуто смотрят созвездья в себя.

Лениво приползло то,
что прибыло.

Лукавый ветер пальцы веток свел.
Так впитывались в воздух эти ивы,
Как в воду тени их с беспмятных времен.

Когда безлунностью
проглочена окрестность
И всё растоплено во временах без дна

— Густые миги сокрушают крепость
Предметов и людей, плывущих в никуда.

Книга вторая

БАШНИ

1976 — 1984

Мой древний мир заиндевело-тленный
вступает вновь в обитель ясных снов
Я жду себя у царства озарений
и миг ловлю вещания богов
Мой путь лежит среди долин пропавших
и берегов исчезнувших немых
Но знаю тень я павшую паляще
и эхо тени в запахах цветных

Селена подавляет облака
фонтанов ропот закрывает тайну
туманных обликов священная игра
надмировую усыпляет рану
и в веянье небесных перемен
нет волшебства, врачующего очи;
возносится к вершинам тлен
и черный дух
 молчание пророчит

Молчание башен с молчанием неба
в союзе
великая немь постигает владенья свои
молчанье сверкает, молчание голову
кружит
с гигантов-деревьев летят огневые листы

Я — тьма сокровенных владений
преджизни
стираю границы змеино-кровавой зимы
но воля безлико-безумная брызжет,
в распятыё времён увлекая созданья свои

волны вечности в озере неми
Сон и сумрак. Селены прибой
красный голос во тьме человеческой
уносимый в бессолнечный зной

эхо мира в навиденных звонах
смерть в воде, пронизающей стон
Свадьба теней. Вещей похороны
Антибожьей селены прибой

Мир безмирия выше высот
Я стенанья глубин уловил
Мне понятен затишья намёк
в красоте улетающих сил

обрамлённое чёрным огнём
фиолетовым паром горнил
мое серое солнце взойдёт
над неб'ытием воли стремнин

тень убила стеклянные крыши
взмах крыла разметал небосвод
мегаястреб астральности вышел
в мессиански могучий полёт

в пламя вникли христы и кумиры
воля влилась в течение одно
Антиразума лики поплыли
в бессознания слепое пятно

в заснувшем клубке, загоревшемся в неми
В пеленах
В туманах, парящих,
бесплотно сухих, но живых
В пропавшем цементе единства,
отброшенном к тням
Красный дух загорелся бездых

Дых и дох задохнулись в яреме причастном
в толоконно-тугих временах без секунд

Колонны отсветили голос боГа,
в безмолвии уйдя в родной обман
Я зажигаю истину без слова
Зарин закатный — тающий зоман

За лесом тьмы — видения без меры
и колокол материи не той,
что вечно спит,
но той, что тленна,
но остается вечностью живой

Бледный свет. Серость образов мига
Смутный свод. Заколдованный крик
Бог покоя ушел в надбезмирность
увело сокровенности стык

В клочьях мрачных туманов безумье
пышет кровью убитых зарниц

и зарезано в поле раздумье
рдяно-тёмных космических книг

Вьются змеи в провалах полно́чи
Чёрных царств рукава так близки
Я вздымаюсь в туннеле пророчьем
На всемирную сущность души

я меж деревьев шёл, но падал в глубину

я видел день, но пропадал в тысячелетях...

догораю на черных пространствах
искры сыпят лиловым дождём
боГъ тумана немеет в молчанье
всодержащую смерть подождем
подождем приласкаем приблизим
и гармонию мира сорвём
бисер рек в зареальных извилах
озарен зазеркальным дождем

у откровений высокого мига
дрожащего мига с тонким горлом
я отнимал лазурную ноту
и улетал на ней в царства иные

боГъ прорастал сквозь колосья
ми́ражей
слаа паруса в лучесветные реки
и протянувшись сквозь мир своим эхом
прятался логос в исчезнувшем тайном

шла эскадра блистательных снов
пантомима смыкания мира
этой жизни случайный цветок
уносила надзвёздная лира
в высь, где нет ничего и есть всё,
где положены царства друг в друга

смертной мги ни одно остриё
не вонзалось в невидимость круга

липкое скользкое тёмное сильное
правит движеньем светил
скользкое тёмное красит лепнинами
мира заброшенный тыл
сильное тёмное топит ветрила
души выносит людей
скользкое липкое прячет извивы
за горизонтом идей

В этой тьме внутри синего неба
и в огромном пути небольшом
вижу радость блаженного горя
и пылание пика времен

шея лебедя хрустнула в тверди стеклянной
закачался опущенный мир
и живущий превечно стих смерти
сказался
пропитал бесконечный эфир

Я высоты смываю гонцами на крыльях,
умираю на каждой черте,
воскуренья бегут к алтарю-без-событий
— к внежеланно реальной мечте

брошен камень в отверстую тьму
затаившись сижу в терему
уперевшись в сияние свеч
зажигаю неясную речь
и бессонно бездонно твержу
чёрной лавой души ворожу
и поймав непробуженный знак
бестелесности чувствую лак

вижу я ветер смеется
синий кристалл горит
о хрустали разобьется
тяжесть бетонных плит
мир нарисован —
не трогая
зданья проткнуть легко
воздух окрашенный — город
время — цветное кино

съедобные пляшут площади
лунные башни цветут
копытами черные лошади
лица идущих сотрут

Рога тумана
черный телец ночи
свечи мелодий
пичкают
пичкают ад
Разорвались здания
унесло в запредельность город
тромбон разразился
Афинами
Пальмирой
обмороченным духом святым
и медной долиной
пламенной дикой Долиной
где шлемы шли с копьями
в восхода съедающий рот

Дорога на город Ротгарт
дерево черешчатый дуб растёт
серой вороны крика прозрачна прояснительность
ибо большой кукушки абрис
— перистые облака

Верь: тупая гора — прилизанная эта равнина,
на пшеничных полей однообразии не смотри,
не гляди

хороши глади,
когда синие холмы за ними,
а уходящие под горизонт они —

дурной и безвкусный цвет
Ах, когда-то здесь были
раскидистые колокольчики,
в ложбинах ливень отмывал
шампиньоны-грибы

Правда, не бегали по чьей-то прихоти лоси,
но вид их угловат и нелеп,
в Ротгарт они не заходят...

А стаи волков забежали когда-то,
январским прохожим меняли обмен веществ.

Теперь волков нет,
— истребили за тридцать серебряников,
а без воя ночного красоты не почувствуешь дня.

* *

Когда-то
идя в какое-то общество
мимо решетки забора учреждения П.
в сырую осень
с книгой писателя М.
чтобы как-то скрасить
доклад о гистологии крысиной аорты
я не знал
что будет туманное время,
в котором
мимо этой решетки
предстоит
проходить каждый день,
когда улица Т.
надоест совершенно
Не знал я,
но чувствовал странность вечера
и сонность деревьев —
высших существ на земле
Завывания ветра
и свет фонарей ослепленный
сливались в одно,
в память
будущих дней

Время,
текущее вспять,
я не раз замечал в своей жизни,
и всегда
колебания веток,
вечер с погодой больной
сопровождали его

Родная дорога...

отклонясь от тебя становлюсь полумёртвым
и совсем умираю, когда прибиться к тебе
не могу,

но идя по тебе

я не вижу в тебе озарённость

Лишь в изменах тебя я люблю

Вечер Вечер Топтание ночи
вены духа наполнены сном
новый мир незаконченно-прошлый
умирал в непространстве родном
скорбных сказок летучие мыши
прах Диониса в дали влекли
под единой божественной крышей
в мифах таяло тело земли
и в том сне незаконченно-прошлом
отдалённом к истокам глубин
млела вечность, глядящая мощным
бездыханным безумьем благим

Тиканье. Черные стены
Домино самозамкнутых букв
у абсурдов грядущих надежды
на бессмысленность шёпота губ

надмелодия тайны не-мира
нереальна, но странно живёт
удалённо от плоти эфира
меня углём человеческий род

в снежных залах стоит тишина
зеркала убегают в огромность
загорается в блесках весна
и не-наших огней сольсидонность

потревожена пенъем луна
позаснеженно-ярко-дневная
забывают приют города
в старых залах неясного рая

блестки мигнов текут не пльвя
зеркала убывают в утробность
в снежных залах стоит тишина
и не-наших огней бесподобность

стыд и ложь облаками означены
в неназначенных мигах — дрожь
шелк и медь на закатах утраченных
проспрягают молитвы исход

степь времен не случайно разбросана
не случайно она не нужна
оттого что из вечности борозды
прочертились, как контур крыла

закатились сапфиры в канавы
проблеснули Сатурна лучи
убежать на них в дальнюю славу
в остановленных дней кирпичи

я верю, что сознание есть Богъ,
по каплям выступающий из тлена,
себя преобразивший в сон миров,
чтоб истина вовеки не затлела
чтоб спрятались Начала и Концы
чтобы обман произрастал
в реальность
чтоб самому не созерцать листы
скрижалей мира — вечности
усталость

тонкие миги уходят
перегородки встают
тупая лава эмоций
в пустом огороде секунда

люди стали часами
Рёв гниет на заре
и далеко за лесами
мысль лежит на песке

тишина взбешённая
зубатые точки тьмы
зима оглашённая
забавами чёрной игры

волны — качели мути
Дым. Суть эфира — мрак
тайны психейной жути
свет запредельных клоак

Дуновенье. Преткновенье
сладости о снег
в бурном море
бег мученья
прерывает смех

Трав подводных колыханье
трогает скользя
сердце мамонта печали
в леопарде зла

отойду, вернуться смея,
от родных кручин
в позабытое волненье
подожжённых льдин

я видел чистое небо
в снежном кольце облаков
Даль уносила в надбездность
к статуям светлых богов
тёмные лодки листьев
бросали весла теней
эрос бежал по мистике
как ветер среди ветвей
поля и пространства таяли
волна ударяла в волну
мельканья намёков изваяли
вечного сна синеву

Пожар застыл очаровательный
краденую флейту спрятал
на виду

Убегу
зароюсь в светомраке
но догонит звонко
чёрный Угу

Тень моя бессмертная
завоет
схватится за столб
и упадёт

потрясется телебашни колос
в небеса слепое отойдёт

я отрицаю
и называю всё вокруг абсурдом
и твёрдо знаю:
«Над миром простерта высшая сила»
— имя которой БЕЗЛИЧНОСТЬ —
данная мне не через веру
и не через познание
но которую различаю ясно
незамутненным чувством
также как
 волю
 небо
 и эрос

мир перевёрнут
спокоен как сон
вялостью рос

бдит у ширм миражей

Озеро красное
льется внутрь «я»...

Лилии,
 лотосы
 в сне
 наяву

я возлюбил в раннем детстве реку Хуанхэ
монастырь на её берегах
тень бамбука
близка мне,
поверь

Остальное —

встревоженный прах

смеярышня продалась недотыкомке...
огненный змей упал
красный смех прозвучал, как далёкий шёпот
музыкальный шорох пропал

Катафалк фиолетовый
Прекрасной Дамы
утонул в маяковской воде

Так кричу я
о БОД-
ХИ-
САТ-
ВЕ...

ЧТО УПАЛ
на тяжёлой
ладье

умер наркоз вдохновения
черти играют в считалки
был или не был — не знаю
рядом со мною боГъ

в озере лужеподобном
свершаю я омовения
в нём — отражения дыма
и пьяного блюза чертог

черно-белые раздумья
у замшелого колодца
у избушек
темны лица

луны смотрятся в болотце

Лета светится в бокале
горизонт вонзился
в сердце
уплывает
убывает
исторический туман

солнце крапивное
топит балконы
свежует тонны ума
мулы оплошные
со стягами магов
топчут большие дома

твердь небеленая
хартией миртовой
повисла над тетивой
Пропастью выстрелю
Выгляну. Выеду
в Фивы
тропистой росой

материя земли вливает силы в выцветших бродяг
оврага склон и небо в вышине

Пронзительная печальная музыка

Пепел. Не приходит смерть

Трава огненна и воздух черен
стаяка ворон над крутой дорогой
вода в воронке от лечебной бомбы

Крылья мистики.

Черная бабочка садится на цветок.

Вдруг: семь баллов

сохнет забвения ум
искорежена повесть
новых не видно начал
длится лиловь

Крайнее слово весьма мир не приемлет —
цветных паутин торжество в полусвете вершин

Ветра порывы несут воздуха
жёлтого поля,

в лопнувшей мари вышло одно из светил

Фразы, в ничто обратив,
задвигалась почва, как море.

Сосны поднялись на сосны,
и зрения сон прорвало

мы намечаем пути переселения душ
мы намечаем пути
в глубоком невидном сне

переселимся туда
в совсем другие пространства
в беспмятной линии жизни,
в беспмятном
царстве психей

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ —
ТЕ СНОВИДЕНИЯ
ЧТО НЕВОЗМОЖНО ЗАПОМНИТЬ
ИНАЧЕ СОВСЕМ НЕПОНЯТНО

В...

куда

и для чего мы растём

неслышно летает моль
иль глюдечка
или душа
не верю, что прячет кровь
невидимые чудеса
лишь ощущения есть
сознания те,
что плывут
бессмертны они
или нет
но в них окончная суть

Несуществующее ближе
Родней
когда блестит
брелок циклопа
среди ночей
когда отверженный
молвою
миров закат
так виден ясно
насторожно
среди Плеяд
когда из неба
выплывают
среди дождя
раскаты музыки
не-нашей
надрыв тая

ленивая ладья, залив тишайший

тростник не фиолетов,
не росист

заката нет, нет к берегу возврата

на кончике весла —
приблудший

ЛИСТ

вдали Мемфис
вдали шестая Водолея
далёко боГъ, далёк я от себя
на дереве сознаний блекнут листья
спадает глушь, мгновенья теребья
пространства духи стонут в осязаньях
последнего над нашей рощей дня
и парки засыпают над вязаньем
цепь воплощений тающих щадя
торопится отдать концы озонный пояс
несется высь стремительно к земле
умру, когда услышу мира голос
мировоззрение потонет в нем вполне

Азеотропная смесь из души и тела
взлетела, взорвалась
Прохладный черный крест
из железнодорожных путей
искривил пространство
слегка
сосуды с гудроном под откос понеслись
радуясь
травя-мурава покраснела
и в памяти ночь снеслась.

Голубое яйцо
волшебного
застывшего озера
— *tabula rasa* новых
невнятных волн
Всё совершенство гармонии иступлённой
— в наклонной плоскости
зов таящей и звон

деревья бродят вверх ногами
корни к небу задрав
гидры оторвались
и скрылись в тумане
души смерчей собрали конклав

некий циклон
в поля опустился.
открыв фюзеляж,
закурил
взору статуи камень приснился
и потух исчезающий мир

день прошел в середине дня
умер медленно неродившийся богЪ
несколько мелких
психических мин
выглядывали из воспоминаний сна

в пространстве крошечном
дороги заросли
мосты через болота для красоты стоят

верь доброте того, что умер слабый Богъ
что существуют ноги, что вязок серый мох.

Ползём мы, многоножки, на запад и восток
и разные дорожки для каждой пары ног.

сознание стремится к двумерности
забывает вещей шепоток
семиголовый камень сомнения
катится точечкой на листок

я убью мудрость кратким ударом
чтобы ярче видеть мозжечок
да славится незнания тайна
родящая движенья ручеек

стройки как руины под портиком заката
хищно плотоядно пространство на холмах
в глубине таится греческая проза
в сандалии зелёной на невидимых ногах

путь через вершины неровен и ступенчат
рвется занавес осколками равнин...
но суперобложками Олимп
весь занавешен
в каждый миг стучится небытия вампир

высший предел сознания
старая дхьяна-йога
рождающая психонавтов
из пёстрой толпы людей
скажи всем, что не надо
знать числа, буквы и книги
что иметь глаза не надо
чтоб мира видеть предел

погиб мой народ
за девять тысяч лет до рождества
Христова
Чужая родина
иные люди
в непонятном маскараде
заполонили мир,
но было солнце То,
откуда протуберанцем
реликтовым
я вышел
откуда волей хаоса
в чужбину отметен

голубая вата плывет через аллеи
черти прячут рожки в липовом цвету
статуя белеет сквозь отеки мозга
лоб её бледнеет
в ужаса поту
рты пораскрывали не люди и не звери
пурпура лоскутья шевелит огневик
сами открываются скважины свирели
воздух обнимает древний,
древний сплин

сумма углов треугольника начала
изменяться и таять
ау! нет в помине знакомых и твёрдых стен
сверху и снизу летит снеговая каша
деревянная музыка падает, как акварель

бунт барабанов катится в синие запахи
вышли из боГа фигуры стеклянных акул
Рассветы сумраков.

Пожар голубого металла.
Двигается по спирали
последний солнечный луч.

уходит, улетает неостановленность,
непостижимость
преисполняется пределами беспредельности
уши дьявола подкрадываются, закрывают миги,
в преисподнюю дальнозвонкость унося

чаша разбилась, драгоценность которой вечна,
мощно травы сплелись над челом
хорошо нам, что жизнь быстротечна
не надо бездну хранить умом

тихо смеются камни
шелест листьев неслышен
белая статуя плачет
в воздухе спрятан боГъ

все повороты дорожек
все прогалы аллей
сон высекают из мира
еле заметный сон

идущий не видит границы
идущий себя не знает
не видно идёт ли идущий
иль видит себя таким

сон покрывает пространства
случаен орнамент дорожек
одно лишь царит не случайно
что живо секундный век

эфемернее нет постоянства
красоты — горгоны Медузы
Кто глядит в щит сознания
тусклый,
тот с поля уйдёт без щита.

скрипнула уключина колодца
за пластинами
воздуха
в потустороннем мире.
А здесь, здесь — черноты свежайший
сеновал
Там где-то фиолетовые искры,
там где-то полуголые рассветы
Здесь — потолок шевелится
и стены не преграда для чуянья
шарообразности миров
Всего-то некий скрип родил
пространство звука, что ярче и цветней,
и многомерней
того, что видно без святейшей тьмы

окна замка только в небо смотрят
окна лучше радости картин
светлый дух пространства переводит
в застыванье времени и сил
голубиные просторы и дымов жилища
над мансардами придуманных домов
слабо, очень слабо брезжит истина
в осязанье башенных умов

конденсаторы «Тесла» розово-мёртвы
электричеству тесно в сетях проводов
а пространства бедны монотонно-просторны
вся энергия солнца — сплетенье оков

а та сила, что мир закрутила в капризе
убивает лишь только почувешь ее
паутина ложится на плёнку сознания
на живых ощущений слепое вино

чтоб отжать виноградины всех веколюдин
недостаточно прессов,
бродильность слаба
конденсаторы «Тесла» идут в ожерелье
человечки — в забаву пещерного зла

видел здание-абстракцию
где продавались идеи
у остановки последней
возможности чувства иметь
ало пылала РЕКЛАМА
автобусы-мысли стояли
прятал живой радиатор
в себе неевклидовый лёд
на остановки дрожали
некие функции-блуды
чего же они дожидались
не мог я никак понять
плыла колесница Солнца
по кружеву тензорной боли
постулаты её упирались
во вспаханный тщетами снег
шёл мне навстречу прохожий
так, словно мира и не было,
шёл, не сдвигаясь с места,
и в нём я узнал Абсурд.

четыре церковных маковки
меж ними не видны башни
фигура черного ангела
как насекомый сон
направлены жерлами в небо
трубные прямоугольники
крыши сомкнули талии
пряча нагой горизонт
Рамка то небо, то крыши,
рамка то вздох, а то выдох;
искрит то снег, а то звёзды
частицы эфиров спят.
Мыслят собою крыши,
видят в мечтах пальмиру,
не ту, что была и возможна,
но ту, что не будет никак.

я ехал медленно
не замечая переулков
в каких-то узких улочках
придуманных домов
и я заметил
люди
идут совсем чужие
и я заметил странность заборов
и кустов
с горы спускались дворики
с отсутствием сараев
и горы высоченные
из пересохших дров
палатки распускали
цыгане-обезьяны
простые обезьяны
убившие цыган
Где перешел границу?
Где в мир не наш я въехал?
Как будто постепенно
сменилась долгота.
Не верил я в пространство,
во время я не верил,
я знал, что только память
одна протяжена

Сюда пришел закрытый красный поезд,
кирпичики привез для вавилонской башни
— жилища джина с лимфой термоядерной.

Семь дирижаблей ширму из брезента
держали, зацепляя облаков кремнистость.
Фундамент строился из черных пирамид,
Безлюдно
работали пустые механизмы,
и поезд разгружался за другим
и падал в пропасть.

Весь мир свозился к вавилонской башне,
и ничто не уходило от нее,
и рос ее могучий механизм
стремительно, безмерно, бесконечно,

и ветер средь построек пел,
растущий в мировой сквозняк.

Обрывок жести бился в нем и шлёпал.

Статуи кошек с рубиновым взглядом на снежной тропинке.

Серая,

серая кажимость утренней тусклости.

Желтый фонарь наклоненный лимонность лучей потерял
половину.

Свет инфракрасный, идущий от трубного дыма, сильнее.

Серость лишь кошкам дано понимать,

осязающим ультразелённость,

серое — кажимость скрытых восьми измерений.

Тени — экстазы людей и танцы священных фламинго,
хищные будды сидят на границе закрытых пространств.

платья дорожек отдали души
зонтикам дождь перебил перепонки
крыши мерцали, плывя в океан
пагоды пили боГа

ближе к горам не подплыть в джонке сна
мир не увидеть открытый
подняли реки свои рукава
птицы несутся в размытость

жди, когда волны уйдут иль взойдут
криком умоются лица
жди когда рухнет и верхний приют
дух в кирпичи превратится.

пустая лабуда дороже жизни
дороже жизни сладостная месть
пусть здравый смысл растёт
 в болотной жиже
и процветает в непространстве жест

пусть с городов слетает штукатурка
и морды львов уходят на погост...

Здоровье душ — подобие окурка,
дым тающий — угодный Небу гость.

Явилась ночь — падение в колодец,
мех черноты в росинках светляков,
в блудниц идущих подло и спокойно
писк комара втыкается легко

Деревьев нет — окраина вязанья
внезапно стала центром,
разум—враг ушел.
Без нитей света тешится сознание,
сливается с распластанной душой.

Парк силуэтов. Пир объемных пятен.
Плоть ночи пресвежайше холодна.
госпоДь велит нам предаваться лядямъ
и сокрушать житейские дела.

Снова, снова на пике волны
показались и скрылись созвездья.
Грянул гром, отраженье луны
разнесло и свело мельтешенье

Дух великий издох, словно мир,
зашипели в туннелях проклятья,
зашатался сознанья визир,
ощущенья сменились на платья.

К кромке неба взлетел саксофон,
растворил заколдованный вакуум,
пёстрой жизни сорвался вагон
и покрылся несохнущим мраком.

Книга третья

О Г Р А Д Ы

1984 — 1992

сверкают мглы доносятся слова
сменяются перекрестки перемен
обманчивы, неистинны дела
волшебны пузыри прибрежных пен

кувшин незнания дороже всех богов
сокровище, запрятанное в сон
и выливший тебя, кто женщиной рожден
окажется без рода и племен

разные всякие разные странные
всякие разные плыли лунётки
плыли и плакали, мраками ахали
каркали страхами и миномётками

падки на подлое пили подлунное
ели елей из евоных безличеств
тенорной краской,
буйными струнами
нарисовали, что мир минотичен

не хочу я реальности этой
мне реальность другая нужна
я умру на лиловой планете
где два солнца горят по два дня

там не будет людей и животных
и дыханья не будет совсем
сам я буду туманом немым
без росы, без ветров и теней

когда солнца друг друга коснутся
и провалятся в тартарары
ощущения бога проснутся
и в ничто обратятся миры

воспоми́нания́ черные прелестны
не черным символом,
а чернотой своей
не белый лист, но черный
 первоцветен
не звук, а тишина звучней

храните темноту в своих пределах
— источник существований всех
свет — это мрак белесый
волненье заблуждений и помех

всё управляется памятью
всё исчезает в забвенье
мир нарисованный ясно
— крайность онейровидений

суть — только тьма без просвета
только нелепость реальна
только энергия смуты
царствует тайно, опально

трески во всех горизонтах —
треки путей не свершенных
всходит покойник желаний
нагло в светлицу душонок

Спит биология тьмы
мёртв организм просветленья
Мы — не тела, не умы;
мы — пролетай-привиденья!

апологии жизни скончались
тень души улеглась на земле
утопились и скрылись начала,
что толпились в добре или зле
сова-совесть склонилась к безумью
в ослеплённую даль унеслась
налилась соколиной лазурью
и пронзила порядок и власть
все сады ощипал мегатерий
и, воззрившись, застыл,
 словно сфинкс
осязанья великих империй
подступили ко времени фикс

Эрос. Сон.
Озирис и Христос.
Ночь над озером.
Бездумность. Бесконечность.
Контур роц.
Отставленный вопрос,
невывказанный
уходил в беспечность.
Уж нет того
что спрашивать должно,
что дышит и зовёт,
что осязает что-то.
Поползновений света лишено
родившее созвездия ничто-то.
Болото. Озеро.
Отрытый Вавилон,
шумерские блудницы,
сунские напасти.
В венок или вино заплетено
присутствия пригубленное счастье.
Мелькает всё,
но так, что ничего
не видно,
только тучи над водами.
В огромном небе светится окно.
Хочу туда.
Вспарить по-над дымами.

почти жалко сгоревшего мира
дым колюч выедаёт глаза
сновидения звёздная лира
заплетает в свои голоса

река жизни мелеет и сохнет
ил застлал её чистое дно
голубая русалка подохла
раки выели лоно её

не запомнился запах магнолий
мозг забыл свой потерянный рай
время мёртво-мучительно-злое
катит череп сознания в сарай

я — животное
ныне
наслаждаясь покоем великим
я пространство съедаю
и кажусь себе временем тихим
но я злое животное
пред собою пространства не видя
я могу его сделать
сделать очень огромным
из единого мощного крика
крик сквозь вакуум тот
разбивает границу ничто
и танцует по фибрам души мировой волосатой
много трупов души превратились в материи дно
и иллюзию мира взрастили большой и богатой

меня не существует, я — марионетка
я — представитель боГа на земле
мир автономии прошел волшебный
сомненья пали в перьях и смоле

нет истины и жизни стыка
тварь человеческую отупенье ждёт
я в мир иду без собственного лика
уничтожая времени живот

это даль это ветер в дали
это ночь в море синих чернил
это дух, что в куске темноты
на купании крыш в облаках

на купании в бреде болот
на плескании рыб у плотин
на разливе бездумных молитв
бормотанье земли берегов

пейзаж с голубым и зелёным
нагляден как сон непространства
туман над хладеющей магмой
ампирные лапы вознес

не верю, не верю я в краски
в сомнения, в формулу боГа
блокадные души витают —
отходы души мировой

мир безмирия выше высот
я стенанья глубин уловил
мне понятен затишья намек
в красоте улетающих сил
обрамленное черным огнем
фиолетовым паром горнил
мое серое солнце взойдет
над неб'ытием воли стремнин

мертвые листья
цветочных оттенков
на погребении братском лучей

темные воды уносят конкретность
«всё — всё равно» — поет ветер ничей

кровь вытекает
из взрезанной жилы
хвастает краскою, мощью своей

Смерть обнажает великие силы
на погребении буйном лучей

очень тепла эта осень для глаз
и тем теплее, чем хлаже для кожи
ветер несет ознобления розы
и георгины горячки сенной

очень тепло, отчего неизвестно
дым и туман созерцанья сухи
и неостывшая кузня Гефеста
всё еще движет лениво мехи

я предсказываю странность
я предсказываю жуть
обмороченную ясность
и яснеющую муть

иногда картины вижу
опустевших городов
и постройки насекомых
среди каменных садов

лишь луны одной не вижу
в небесах и на воде
там какой-то призрак рыжий
в металлическом дожде

Старые деревья в прошлом
доносят колыхания
через желе времен,
сказочные,
мудрые.

Прошедшие шорохи
осязаются в дыхании ночном.
В линии перекреста
уплыл визир сознания
в тягучей ноте
пасмурного дня.
В верхушках веток
надежда и отчаянье,
прорастанье,
восстанье из себя.

По морям разрушенным размытым сном
спешу я, закрыв паутиной очки;
соляные копи башнями лижут стога,
на стогах бесконечных — стеклянных шариков
мир.

Вечернее утро,
приикни ко мне,
приди,
с тобою вместе забуду следы теней,
мираж пустыни яснее гранитных плит —
в пещерах неба звучит труба.

разлив туманных дел на озере безмолвия
прозрачный смысл схватил невзрачности предел
нет цели ничему в свободе зачарованной
на берегу ничто царит зеркальный пепл

вселенная мала, в ней тесно до безумия
хоть отражений бесконечен в ней прибой
ложь отзеркальная по формуле Витрувия
построена изнанкой нулевой

Из архетипов

Мохнатое чудовище
запрятано в тебе,
весь маскарад кошмаров
и в яви и во сне.
Лев-царь-отец-опричник
и снежный человек,
медведь, начальник, стычник,
охотник на людей.
Пусть тот, в ком он воскреснет,
проснется и уйдет,
иль криком разразится
сквозь майи хоровод.

✱ ✱
удивительный бред
пирамидных планет
и рассыпанность солнц сегментарных
в просторечии мглы
подоконник мечты
выставляя раздвоенно-бинарно...

мир, сравнился с другим,
и отпала хоругвь
вещно данных пустых оболочек,
и осталась причудь
доразумная муť
чучелами беременный прочерк...

Зерна а-вещества
щеки про-существова
открепленные от представлений
не радеют, не спят
не живут не поют
выплывают из недо-
мгновений

недомир — это вздох
недознак — это смысл
недозренье — есть лестница яви
Нет линеек глубин
нет размера вершин.
корень силы не зрит окончаний

Что закончено то
есть попытка солгать
есть попытка прокрустить до хруста

то
чего не поймать
что живет не стыдясь
в залах перво-забытого чувства

Красные жабы стучали в ворота
умопомрачительного сновидения
где жирафы были меньше жаб
а Сириус больше Солнца

Я посмотрел тогда на башню
где варилась моя судьба
для пожирания в Тире Финикийском
и остался недоволен специями

Я знал башни и выше
чем эта дурацкая
но способ забрать судьбу не приходил мне
в голову
и ограничился тем, что стал призывать дожди
для размывания фундаментов
и лаву вулканов
для создания естественных пиков

человечки сновидений скачут в тьме, тая тревогу
в камышах лиловых искры распрямляют

сожаленья

ойкумена озарений так близка и невозможна
что прокушенный усилием глохнет ум, себя губя
удаляют гроб сомнений человечки сновидений
много их бежит, почуяв оживления волну
кто-то стал почти реальным, кто-то ложным
обернулся

кто-то сильно разбежался, кто-то в озере пропал

и двоятся все, двоятся

в каждом миге — миллионы

с каждым мигом их всё больше и слабение

сильней

вот упали все, вскричали и оттринули друг друга

ох, не скоро возродится в новом круге их игра

почки, печени и селезёнки
навалены на эскалатор
колышутся в массе костей
воздух меркнет
двести сорок два аппендикса
выходят из электрички
мерцают
колеблется головных уборов пена

три тысячи триста сорок шесть
пуговиц —
неуправляемые кнопки
кнопки зрачков могут
воззвать

ТОЛЬКО

к Ваалу
тонны идут в полутонность
пусть подождет невесомость
еще дозревает спасенье
от гирь беспробудного сна

бабочка трепещет на наколке
небо вышивают облака
тайны черепа на книжной полке
не достигнут годы и века

дух безликий льет через глазницы
смысл, неохватимый телом книг
оплывают переплетов лица
душу охватил застывший миг

все движенья, пульсы — донедвижность
наблюденья тусклого черты
наблюденья прорастают в книжность
и стоят на полках пустоты

мир устроен просто, но безбожно
оттого, что видим мы не мир
то, что видим — ложно и не ложно
и кумир наш — крашенный вампир

колесо от какого-то мира
откатилось, взорвалось, вошло
расстелилось в моря и долины
и решило взорваться еще

взрыв тот медленный видим поныне
рвутся хлипкие струны души
мы стоим на твердейшей трясине
распадения хоры слышны

ни то ни се рождает все
ни то ни се, а не ничто
рождает мысль недочутье
а недомненье — вдохновенье
как невезенье — сожаленья
и очень четкие слова —

в мираж парящая глава
а ныне не родит никто
желанное ни то ни се
поскольку вместо пустоты
перед гладью вечной красоты
недокакой струится дым
не внятный логикам простым
не достигаемый во сне
скрывающий прасилы все
дающий триллион свобод
в причинно-туковый завод
производящий мира брак —
пространства-времени барак

ХОТЯ: АНТИГУССЕРЛЬ...

Эпохэ-процедура мозги охватила.
Декорация — мир, дуриан, мухомор.
Здесь — румяная девушка с задом из глины.
Там — полковник усатый
с бетонным плечом.

Есть под черепом твердым
безудержный вакуум,

бельевая веревка — опора домов.

Зрю:

бумага асфальта порвется внезапно,
и окажемся мы, сны поняв, ни на чем...

вся классика — обман простосердечный
для простофиль и тронутых умом
кумир на трон взобрался и навечно
оставил скипетр для упрямых лбов
но более для тех, кто кормится наследьем
и создает бедламы своим бденьем

блокадные души застыли, впечатавшись в воздух,
летят саламандры, сильфиды, поклонники рая, —
вся слякоть, весь смог, вся тоска новостроек
в дыру нас толкает, в дыру под пальмирой,
в проходы вжимает, в туннели, где рядом
должны проходить всевозможные стоки;
течем мы, стекаем, проходим волнами...
Не боги горшки обжигают — морОки.
Пора наступила,
пора наступила великой,
великой охраны не нашей природы далёкОй.

ударила боль в небеса, подоженные с краю
зелёные молнии в башни вонзились когтисто
взорвались снаряды и бомбы неверных фантазий
неверно неровные тени прошли, как монисто
но слава пришествий сойти с облаков
не посмела
— достаточно будет намёков и тайны испуга
еще поиграйте ничейного вымысла дети;
деритесь, целуйте, кусайте друг друга и смейтесь
когда вы смеетесь, не знаете вы, что свободны
вы только смеяться,
что смехом питается дух непостижно далёкий
безбожный

прочнее ничто лишь ничто
красивей ничто лишь ничто
полезней ничто быть не может ни что
а «что» — бессловесная утка

кто скажет, что есть где-то нечто
тот вспомнит только об отражениях
бессмысленно запутанных
неизвестно чего и ни того ни сего
что по рангу ниже,
чем ничто
и неразумней
совершенно,
нелогичней!

когда разорвется земля
когда труп сознания сгниет
опустится в звёзды душа
и медленно их зачеркнет

тогда возвратится в своя
чужое дремотное «я»
и родину вдруг обретет

Миров испарится налёт

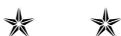

Какой-то город сновидений
вновь обретается в глазах:
фасадов розовых ступени
набальзамированный прах,
— живая кровь камней, постигших
пространств клиническую смерть,
румян закатных непостижность,
и улетающую твердь,
и оставление мгновений,
и вознесение в чертог...

Невнятной вечности паренье,
где пролит слабый господь-богЪ.

я жил в раю нелепых суеверий
проходили по мне насекомые
в солнце входя. Оазиса сад
разделялся дорогой минора
обложные пространства блестили
трепетали в бессоннице дня
Угол вечности
был телесно открыт
телескопам микронным
сквозь дыхание боГа
прорезался колпак дурака

оскорбленные царства
потухали в затмениях скучных
превращенная в кокон
в сновидения вверглась душа
образ Неба погас
оттого что вся чувственность стерлась
гроб секунд отказался
содержать протяженности прах

Мое солнце впадает в чужие вершины
на закате светила,
занесенного снежной мечтой.

Лебедь желтый уплыл
в полынью красных линий
и в серебряных лилиях
превзошел океана покой.

Чую,
снова порвётся
стон цветно-электронный
и возникнет паяцем
многошейный трепещущий кнут.

В черно-белом молчании
дотворенного мутного года

паутинные глади

окончания нервов замкнут.

В этих северных местах
жены быстро протухают,
плесневеют караваи,
невоздержанна вода,
интеллекты странно тленны,
мысли непрониновенны,
оттого что не жива здесь
под асфальтом синклиналь.

Вечнодлинные чертоги
возникают очень редко,
когда угол освещенья
неземной дает прононс,
когда солнце в сердце зданий,
но не смотрит прямо в окна,
когда словно наводняет
и немотствует звеня.

Вечнодленные чертоги,
облицованные солнцем,
облицованные тенью,
сновидения мираж,
выплывают с того света,
где когда-то мы бродили,
где когда-то души жили,
лишь одетые душой

в затрещинах снов зрю материи трещины
о бесформья секрет
о проглядные вирши Корана
всякий образ таков — идиотам привет
мои нервные клетки скончаются рано

четки дней и ночей шевелят утонувшую мысль:
плот спасенья — совсем не ракетоноситель
День и ночь напролёт отрицательный смысл
заполняет собою земную обитель

Луна заглянула в окно
и сон мне приснился кровавый
что падает дом на ребро
что поезд идет, дробя шпалы

Ее бледнопламенный ток
листал меня слева направо
и быстро читал между строк
о чем-то зловеще-забавном

очнувшись, я вздумал прочесть,
но только солгать попытался

за тучу ушла, храня честь,
Закрытого мира весталка.

В устье реки,
где остановился
корабль
с железной гиперсферой
на палубе,

сегодня предстало
видение полусна,
затмившее грусть асфодели.

Сквозь земной шар просочился мираж с островов
Фиджи.

На розовых облаках мерцали зелёные пальмы.
Блеск моря Коро отодвинул
бровь Атлантики,
отсвет экзотических раковин
лег на дорический портик.

Но дохнул Борей — и всё исчезло.

Два раза в год
я вижу райские краски
в этом анемичном городе,
где нельзя жить никому,
кроме
статуй.

Из архетипов

Всё описано там,
там все судьбы, все лики,
там устройство природы,
мироздания смысл.

Голубиная книга
и Турбинная вышли
из скрижали предвечной —
книги истин немых.

Прочитаешь — узнаешь
ложь наук и искусства
и нелепость событий,
и растраченность лет.

Повторить всё захочешь,
но забудешь про случай
и умрёшь озлоблённым
среди скрипения дней.

Дальше — сочно-зелёное кладбище
сочно-некошеной мягкой травой,
роем оградок, райностью чащи
— лучшего мира тайный прибор.

Тёмные крылья,
кар-р-ные звуки
пранно-тягуче-пронзительно стонны,
надписи смыты,
двери открыты.

Чёрное поле кругом,
чёрное поле, избитое плугами,
чёрное поле — вселенность пустыни.

Поле людское
— окраина кладбища.
Звёзды зажгитесь и мир отсвятите.

Мир ойкумены.

Оазиса мир.

В коконе

поля.

Когда было четырнадцать лет,
цыганка сказала,
сказала: «Умрёшь,
умрёшь
в шестьдесят четыре».

Все
поразились
долгожительству,
все.

И показалось:
уже и прожилось.

Так много,
столь много,
зачем?
и куда?

Отдать!

Надо сразу отдать!

За что-нибудь,
за такое
нездешне-туманное,
лишнее,
манное.

Эу!

Уэ!

Пароль уместности воистину смешон,
когда вокруг так много сумасшедших,
что нарушение закона есть закон,
что слава мира обожает грешных,
что глыбы тьмы цветны в своем нутре,
а свет беспомощен в планиды лабиринте...

Пародия! Ты спишь в любом числе
подённых падалей, рождений и затылков.
Ни дать, ни взять!
А надо ли взимать?
Кому налог существований нужен?
Не нам! Ведь ясно, что не нам!
Король-сознание иронией задушен...

Зеркало времени, зеркало памяти,
зеркало всплеска
дробится;
перебегают капли сознания водоросль жизни
по клеткам,
чёрным дырам даря торжество озарений
чёрных и белых,
пересыхая и испаряясь, и умирая,
— нет возрождений;

есть появление капель и капель,

клеток и клеток, пересечений,

крестов забывания и умирания;

— воздух спокоен,
воздух спокоен не наш
в отдаленном пределе,
— нет возражений;

сбоку всегда, только сбоку большой магистрали
быть капиллярами и альвеолами,
пчелами случая,
капель зеркальностью, капель поверхностью
в снах Океана,
ложной двумерностью, псевдотрёхмерностью
неизмеримого,
что и потребно
дырам, чернеющим в дальнем пределе,
всепожирающим
пасечникам.

существо без скелета и сердца
побежало по темным подвалам
ело стены, кричало, визжало,
убивало своим приближеньем
существо без скелета и сердца

существо это сгустком мохнатым
не катилось, не шло — натекало
не текло, а летело, касаясь,
стен,

полов,

потолков,

переборок

выжигало, сжигало, сминало
своей чёрной мохнатостью вещьность
испаряло предметность в ничто
пресекало пути сновидений
пробуждало как будто средь утра
в переделанном мире не-этом
в переделанном мире под этот
в странном мире подделанном том

Лучший город сновидений
поглотивший шорох шин
с красным маком на эмблеме
и потерянностью длин

Тайный город сновидений
с безымянностью домов
с беспредельностью окраин
в бесконечности шагов

Сладкий город сновидений
похитителем души
и убийцей этой жизни
вырастает из тиши

душа
в кармизаторе билась
и вышла лохмато-пуглива
в стекло
мирового покоя
где звёзды навеки пропали
где только
застывшие
струны
где только
недвижные струи
где тень ее
черно ложилась
на вмятину
с надписью:
«дух»

делайте ставки, господа,
делайте лавки;
мир изменился опять,
мир подменили:

в Озеро чистого небытия
впадает брассовость крыш ледащих,
вечности бросовостью замороженная
в гниении мыслящего тростника,
препомпезном.

Укус облаков,
укус Саваофа
для испортивших дхамму...

Кроме шулера,
кроме лебедя,
кроме высот,
ласковостью пустоты усыплённых.

в полях души у боГа до порога
а дальше — нет
а дальше — серафим
и глаз огнистый
смотрит в недра строго
А в бездне — смуть,
под маской — Элохим
засел давно, засело
иль засели
засилили, заблеяли в руно...
Руно молчит,
руно миражем веет.
В нем стрелки есть
и бледное табло.

Уносит дрёма мир в распяты
пространств-времен
из непространств,
колышется в реторте знамя,
взмывает голубь
для расправ.

Исчез,
исчах
эфира провод;
страстей не соберу я мзду
и нужно снова
дать им повод
начать между собой войну.

ветки и птичьи щебеты
возносятся за кромку сознаний
застекленных туманно небес,

откровения кажимостей
открытой природы
заглушены шумом шагов,
дыхания,
неустроенностью давлений
в неспокоенном,
ожесточенном теле.

Мудрость последнего,
видно, возможна
только за гранью его ощущения
тленно-бессмертного.

Истинный ль пасечник
звёздного улья хозяин туманный?
Тот, что не может
жертвы дух высосать сам,
которому нужно
много ступенек и слуг,
а в закланном —
экстаза.

В мире потустороннем
колышутся листья клёна
бледно-сиреневый воздух
течет по аллеям вечным

волшебно порхать над тропкой
где в каждой пылинке — бомба
где зренье сапсанно ясно
и мутно-туманен смысл

Ворота туда открыты
для всякого, кто не воин
кто, в пламя свечи всмотревшись,
становится сам огоньком

Белые ставни придвинуты темно
бледная ночь распростерлась
 в притворе
ветка ольхи и струенье берёзы
вётл синева на окраине взора
Гипнос белесый летает по кронам
гиппопотам светлой ночи огромен
домны росы и тумана покорно
дамбы небес прикрывают отроги

Белая боль, возлюбив монотонность,
блеклое длит шевеленье упорно
ветка ольхи на окраине взора
вечность взирает в струенье притвора

Огни бортовые разбила душа
о стеклянность лазури
и стала нездешней,
невидной,
томящей позором стыда, —

а чувства, туннели прорвав,
осушили земную вологу
и бросились в топку
владения ада стремя

Всплески
вески,
ветер свищет
в красно-синих снах,
шелк пространства тонок,
мысли
отодвинут мрак;

странным порваны стенанья
лабиринтных стен,
ложно истины признание;
парадиза плен

Выше мысли,
выше солнца,
выше всех светил —
вихрь
надзвёздного болота
блеск безликих сил.

Парусами сновидений,
плеском дна души
дышит
миг осатанелый
пика
тишины.

В черном поле кончается ветер,
паутинное небо невнятно,
и блуждание бесов приятно —
о не надо
надмирного света...

Не могу не понять я извета,
что цветением мрака объята,
что чертогами ада прияты
будут вмиг наши краткие лета,
если нота обмана отпета.
О не надо
радения цвета...

Между тем я не верю преданьям
и могу ловить в шорохах лета
порождения Предмирозданья.

О сживание
Солнца со света!

Что общего между дыней
и богатством?
Бахча? Богдыхан?
Желтизна золота?
Округлость? Духан?
За тыном молчания
зреет пустое пространство
плывет по небу неистраченному
яркий шар.

Бешеный,

побежал

мелкими струями дождь...

О, опрокинул вечер

хрустальную вазу дня...

Для человека, прогуливающего пса,
пёс — это сборщик биополя
со всех встречных,
как для нищей
или цыганки
деньги — лишь предлог
для сбора топлива
на переселение
в гораздо лучший мир...

О закон
сохранения
мистерии!

Я помню: мы жили на Солнце,
божественно-мудрые змеи.
Наш хор возносился, как соло,
в горящих аллеях стремлений.

Остыло-
огнистые тени
поверхности солнечной длени
перед смертью клонили
колени
и бурями тусклыми тлели.

Мы пели свое Антисолнце,
великое, в черном уборе,
растущее боле и боле
в спадающем времени сонном...

Гигантские,
желтые змеи
миры излучать мы умели.

Осязание холода
нечеткой,
но мощной зари,

покалывание неба,
сворачивающего воду
в снежинки забытого будущего...

В странном «сейчас»
черный бомбардировщик
родился

ниже парящих птиц.

Раскроил бурей живот
беспечному утру.

А по пятам бежала рысь
бесшумно
среди мелких елок:
не испугай, не оглянись
на кисточки и тонкий лобик.

Случайно не ступи в ручей:
его дыхание прервется...

Хозяин мая — акварель,
закон — шагающая поросль.

Лесной царь потерял зелёную ветку омелы,
Великий Пан последнюю флейту сломал;
Люцифер приобрел
несказанную силу и смелость:
воплотился мессией —
и морок на землю упал.

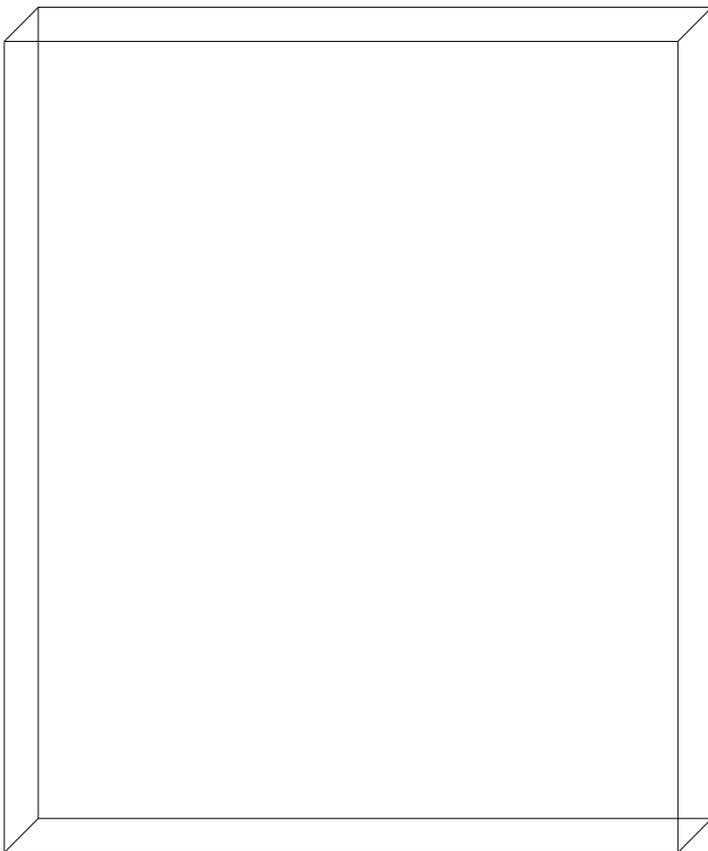

Ненависть к упоминанию
о стихиях в стихах,
в том числе,
о воде, молоке
и содержимом Ахеронта,
к упоминанию мужчин о женщинах,
а женщин — о мужчинах,
к упоминанию об обычных эмоциях
и даже о ненависти
заводит так далеко,
что от мира мало что остается,
но Кастальский ключ еще виден,
Парнас голубеет отчетливо,
зато маки альпийского луга совсем не пьянят,
а эдельвейсы не лгут об Эльдорадо.
Тогда Олимп почему-то осязаем,
но отчужден,
и близки облака
из неких незримых галактик,
в неких незримых галактиках,
полные безразличных миров,
затрагивающих очень-очень слабо,
но напоминающих о невозможно-забытом,
безличном,
расцветающем в абсолютной тишине разума
в виде засушенных прошлогодних листьев,
сохраняющих осенний аромат парка.

Хорошо в незнакомом городе.
Каждое здание — торт.
Каждая улица — ведет.

Снимаю
горгону памяти
с облака мира.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Ш П Л Е Р А

1992 — 1995

Носятся волны,
Иногда успокаиваются.
Утёс открывают
и закрывают.
Мысли воды,
не знающие
глубокого дна.

Если идёт дождь,
то трамвай.

Живое озеро спускается к карнизу —
игристо-болотному гонцу,
породившему полночь
красноликих тартинок.

Бросайте взоры на растущий бред,
вооружайтесь помпами большими,
вы ползете,
а я плетусь вослед,
потому меня вы не догоните, лихие,
сюрреалипкой амальгамы господ,
в полишинелях,
с цветком Евразии в петлице.

нельзя ничего сказать
не сделав ошибки
приходится непрерывно лгать
чтобы обман замкнул кольцо правды

в этом мире
разваленном претензией на истину
под сенью махрового
небытия

падение в ад обещает в будущем
красивую жизнь,
ибо Лета хранит память далёких праправнуков:

воспоминания о пронизывающем счастье
совокупления позора со стыдом
на грандиозном фоне великолепия

Иногда бывает голубым и небо.

Понять это сложно. Проще
утонуть в голубизне.

музыка оркестров
открывает в нас двойников,
что могут говорить на великих наречиях;
близнецов,
каким дана небом тонкая власть
пить вино облаков
и не видеть изъянов

заброшен
в лепетание берёзовых листьев
прозрачность тончайшего мира
он перешел
границы положенных секунд
не явился
к осязанию беспамятности
подсмотрел походку
босых
междузрений

в начале было не слово
и не дело
ищи промежуток
между тем и другим:
слабую искру,
от которой
рождается всё

прорастают сквозь слова безмолвия
химеры безличия
чуть-чуть вкрапленного смежного мира

или пьяного этого
в платоническом мраке
привидения любви
на ослепительной лошади блефа

Купидоны...
Души нерождённых детей.
Вечно снуют над толпой.
Зовут. Призывают.

Самые старые из них
смертельно опасны.

МЕДЛЕННОЕ

СКАТЫВАНИЕ МЫСЛЕЙ

к ручейкам неотчетливых чувств

на – по – ми – на – ет

О НЕПОДВИЖНОСТИ

ветра событий

кто-то всегда идёт вслед
охраняет
иногда тормозит
сбивает с толку

впереди нет никого
Пустота

НЕОЖИДАННОЕ ВОСПОМИНАНИЕ
ОКАЗАЛОСЬ НЕ ИЗ ЭТОЙ
ЖИЗНИ

Схватил его тонкую паутинку.

Порвал всё.

* * *

Умерла стена плача

в вышине неподвижные ласточки
Преобразивший себя день
продолжается без радуг

я не заметил,
что нет Солнца
на ясном небе
без облачка,
на фоне потока света

квадриллиона сфер

Чайки унесли золотую рыбку из моря.

Жду, когда синица его подожжет.

я надел

шерстяные часы,
слепящий диск солнца
в туманной ауре,
отсутствие людей
в отдалённом
шуме города,
смытый волной берег
познания,
неразличимость добра и зла;

взял сосуды
для ярости,
спокойствия
и конца всего

Я не мыслю,
идуший в пелену возвратов,
где родники
быстро впадают в песок

не зови будущее и прошлое,
ибо настоящее — выдумка.

Присмотришь,

где оно?

Его нет!

Безветрие.

Безверие.

А если ветер,

так что из того?

Поищи лучше место памяти
или место отсутствия воспоминаний.

Есть ли во тьме черноты неподвиж-
ность?

Настой «я» проливается
в незамкнутость бодрствования.

Черное солнце
в бархатно-алом озере
сложило бирюзово-атласные крылья
Ни звука в колокольном звоне не слышно
Я лечу стрекозой
— большим коромыслом,
глотаю авианосцы
в синей ряске тщеты.

умолчи о высях черных
лилипут подлунность плюет в
лицо
для лица посторонне

а горнее Ничтожество
так могуче и всеильно

что накатывают волны
накатывают
захлебываешься
в промежутках сновидений

1

Бледный бледный бледный бледный
такой бледный

вредный

почти преступник

в царстве царстве царстве

белых листьев

листьев листьев

бледный серый серый

серо-бледный

ЧТО

январский

волк бродишь по городу

городу городу городу?

— это не я не я не я не я

не я

а ЭХО ЭХО ЭХО ЭХО ЭХО

ть на снегу снегу

снегу

от бледного солнца солнца

солнца

солнца...

2

Ветер на море море море море
водонесение брызг брызг брызг брызг
Чей там младенец на море море море
в крыльях чаек «ЧИ-ИК» «чи-ик» «ЧИ-ИК»?

Белый младенец младенец младенец
сине-
глазый
запрокинуто небо море небо
море небес
чей там младенец на море
море море
в возгласах чаек
надрывно кричит кричит кричит кричит?

Синий младенец младенец младенец
безглазый безглазый
в волнах ВОЛНАХ волнах

МОЛЧИТ МОЛЧИТ МОЛЧИТ...

3

Светло светло светло светло
 темные ходят ветки
стекло стекло стекло
прозрачно глядит глядит глядит
Миг не уходит уходит не уходит
 уходит
время время время бежит не бежит
 блестит

Ветки ветки ветки ветки
разносят пространство
ветер ветер ветер ветер
 осенний знобит

и-ду

а навстречу — утопленник

в водорослях строек

в рыбешках любовниц

в сиянии рюмок

значит и я утонул

в недостроенности стремлений

в недостаточности молчания

в нехватимости трех океанов

недовспомненности скрытых

благ

Взойду с пулеметом
на эскалатор мечты,
посчитаю плафоны
в стремительный час

пик.

То-

ре-

а-

до-

ры!

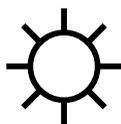
Бык — м а т а д о р,
белый свет — б а н д е р и л ь я...
в банде снов меркнет день.

Пущенный под откос
 пассажирский поезд
менее жалко, чем товарняк...

Цистерны, как живые буйволы
 или бизоны,
они полны жидкостями,
 словно протоплазмой
клетки...

А их тени особенно важны,
сходные с цепями черных молотков,
что стучат,
стучат
беспрерывно
по лучшим мечтам и заблуждениям
 человечества

Переливы, отобранные у залива
в ливне,
когда косое солнце
пытается
выставить парус.
Дление всего минуты две
и неизъяснимо
попадает в кладовую,
которую сторожит
вечности глаз впалый.
Забытый катарсис
ушел в глубину к кальмарам —
метанейронам,
сплетающим паутину
день-ночь...
Что было морем?
Что было миром
в льющейся мари?
Куда прибило желтого счастья
сноп?

Острова уплывают быстрее воспоминаний

о древнем потопе,

дно все ближе, все ближе разрушенный риф;

глубины не видно:

сновидение очень неточно,

и знаю, что верхняя лампа горит;

стоит открыть открытые глаза и увидишь,

и это не так нелепо, как попытаться себя ущипнуть,

но веки вторые — вниз

и пробудишь другую страну,

совершенно действительную,

и лампа окажется блефом,

законы шороха назовут тишину,

пред которой свод неба бледнеет...

жду — не жду
жду никого
жду ничто
в бег шелеста
скрывается мысль, позлащенная незаконченностью,
в волны румян незакатного солнца лучей,
полупритухшего,
тучного тучами,
размягченного.
Статуя в бабки играет,
носом врезается в пирсы ненужных секунд...
Обманное время!
Гидра пространства подгнивает цветисто...

и в сумраке
упал в опал лучом луны
растаял в бледности цветущего свеченья
волны исполненной бесцветной крутизны
заполненной кончиной излученья

мертвеет сон пропавший в пуще снов
в их чаще пролетевший мягким эхом
там в центре опрозраченных оков
подбитых черной ночи мехом

и жаль, что дленье — невозможный миг
лицом уплывший в тучу невремениа
куда уходят «я» немые «мы»
предавшие всевиденья уменье

самого себя нельзя увидеть в зеркале,

а других людей нельзя увидеть

вообще

Геродот умер
Фукидид скончался
Плутарх — помер
история отдала концы
в ящик сыграл мир
А МЫ
ИГРАЕМ В КОСТИ

ВЗВЫК чайк ВЗВЫК
пустынные скалы
сердитый маяк
мысли все о потустороннем
о белых скалах в потустороннем мире
над которыми
ВЗВЫК чайк ВЗВЫК

и улетаешь в сторону мира потустороннего
на этом крике
иногда ближе
иногда дальше
душа — ВЗВЫК
душа — ВЗВЫК
душа-чайка — ВЗВЫК
и нет души...

умер сердитый маяк
пустынные скалы
но только проснулся
— серая тень маяка,
ВЗВЫК чайк, ВЗВЫК.

мы пришли в этот мир
чтобы его двигать
а не писать стихи
а тот, кто пишет стихи
— еще не родился
застрял между двумя мирами
Ему и положено быть междумирком,
а не описывать то,
как двигают мир

изогнутые силуэты чаек в том сне, где никогда
не будешь
изогнутые силуэты чаек на картине
писаной маслом...

Там,

там между холстом и краской —
все то,
чего не хватает, недостает,
чего ждёшь и никогда не дождёшься...

Там,

там в ойкумене белых ворон,
ставших черными от небесного света.
Да разотрет крылом по стеклянному небосводу
прозрачная чайка-смерть — проводник в страну
белых ворон...

Нет! Нет! Нет!

В страну зелёных воробьев и золотых ящериц,
где луна охраняет хрустальное ничто
в сталагмитовой оправе.

Подойдёшь к этой линзе. А в ней — нечто:
изогнутые силуэты чаек,
взывающие четкой каллиграфией:
«Давай улетим,
улетим, улетим,
улетим!»

я живу под серым сводом
в замке судорожных снов
в Единбурге, занесенном
в Илиград, ушедший вон

в Илиграде заключенном
в прах убитых деревень,
во вз'ерошенность лютующих
недотоптанных корней;

я не слышу выстрел пушки
во всклокоченности царств:
О' дальнотка колотушки!
О' пустыренная страсть!

Перепутанность.
Синеструйная вечность.
На окраине мира — вспышки весны.
Нет тьмы света. Свечение песни.
Рождение рвов. Ограбление лжи.
Пробуждение неспящего. Разрушение отсутствия.
Обрамление бури покоем снов,
где сновидения
роскошно ликуют,
кажутся явью,
сонмом мостов
от себя куда-то
в далёкое
н е р а з л и ч и м о е,
затверженное
в смыслах
продавленных секунд.
Отступи на миг — и рухнет всеильное,
обрящет славу
как нестатут.

Колебание.

Как будто шорох.

Пробежала мысль беспокойной крысой,

громко стуча;

сорвалась —

и пошел дождь

из букетов неопознанных изображений.

Пиренеи подцепила плавником пиранья,

а дальше мелочи:

пронесся тайфун,

унес планету Земля

из-под ног,

а тело — из души,

затрепетал ничто поток.

Унесло паутину пространства.

Не пылясь,

спит в себе

круглый луч.

на восьмом
не-бе
где живут
ле-ли
в тихом шелесте
бе-лом
шум для зрения остр
тишина
размыва-ний
голубых
оконча-ний
золотых расстава-ний
с мирозданья песком

Мутное облако разговаривает

ДЫМОМ.

Даль пресеклась, и голубя съел кот.

Убить христа.

Поправить крышу мира

и развалить опять —

всё рушится само...

Всё рушится само —

я съел богов безбожных,

кота повесил на гнилом суку.

Даль пресеклась,

и облако морочит

фигурой смысла

воду на ветру.

Над большими стеклянными эстакадами,
над огромными мостами из перламутра,
в саване воздуха насекомое серое
раздвигает вздохи времён полнозвучные.

Словно летучая мысль лепестая закатами,
растворяясь в чёрных заутренях,
под облаками огненно-серыми,
в дне дремучих пространств неизлученных

сухое сердце, брошенное в зенит отчаяния,
безутешное в биениях мерзко-алых,
оплывает благовесты молчания
и ослепление в жатвах великоалчных

состояние свободно парящего духа
в беспредельности бесцельного мира
состояние бесцельного смысла
прозрачно-лёгкого бестелесного существования

бзнебесное неземное пролетание
лишенное иллюзорной кажимости
пространства-вдоха и времени-выдоха
ничто-всё и горькости-сладости

Обоняние-память! То было когда-где?
Осязание-зрение отчего приснилось?

Вечное чувствование мелодий незвучащих
сразу всех в дотворенье забытом.

Отчего вдруг приснился мост?
Уходящий под воду мост,
деревянный разваленный мост,
поворачивающий назад?

Огибающий берег мост,
уводящий в безмолвие мост,
неожиданно выросший
мост,
там где кончился дикий сад?

Кто мне скажет? Не скажет никто.
Этот сон, этот мост — от никто.
Этот берег и сон — от ничто.
Сё мостится святое ничто.

отвлеченное устроило аборт,
практическое —
харакири.
Невидимым
непознаваемо дышу...

НОЧЬЮ

между двумя аквариумами
летают по воздуху рыбы
выпархивают в форточку
и возвращаются обратно

А наши души

среди миллиона галактик
двигаются светлячками,
качаются
на волнах
складчатого эфира...

Был некто,
сумевший описать
обратный край сознания,
что более.

И некто был,
кто там остался навсегда,
кто мир забыл
не менее
не более
Но лучше был
никто,
что вечно жил
у озера великого безмолвия,
кто воду сновидений яви пил
и явью был,
но сновиденьем — более.

В джунглях опадают ресницы
бледнеет небо
а нѐбо исчезает
холмы взрываются гипертонией
в тучах звенит колоколами
О! Мада — гаскар,
страна родная!

Тают струи от воздушных дилижансов,
утекает,
уплывает небо,
мир исчезает
всплывает рай

прокрысился месяц в тумане
другим, незнакомым лицом,
замкнулось пространство
крутым холодцом
и снегом на сером самане...

замерзни, иди иль ползи,
как месяц в белесом тумане,
как тень от столба на самане —

безлики и мёртвы стези,
безликий и тусклый ползи:
замерзшие блефы в тумане!

Нет! Нет! Нет! Нет!
Всё — ничто.
Всё ничто.
Голубое блаженство неведенья.
Волнуется безмозглый океан.
Накатывают волны сверхзнания.
Безмиренность. Безмерянность.
Прекрасноличинность коллапса.
Сияние сверхвзрыва.
Радость уничтожения.
Парить — лететь — плыть.
Округлая невесомость амассы гиперпространства.
Ветер чувственности от перепадов микробренности.
Колокола неверности.
Облако распалось на унции.
Куда путь держишь, путь?
Токи потока умнее. Таки потока умнее.
Так вам, головы тридцатимерные! Так!
Слишком много, слишком много голов, а вящая гидра
— чудовище.
Так потока, ток потока, тики-так.
Так! Так!

Унеси, унеси меня, птица.
Унеси, Улетавай.
Из истока утоков. Из истока истоков.

Сарданапал сберег пески.
Зеленели барханы.
Душа мира
выбиралась пауком из скважины
засохшего
родника.

Удивлялась песчинкам,
и хищные ящерицы
бросались за ней,
высовывали языки.
Перекати-поле беззвучно смеялось.

был сон о распадающемся мире
деревья, падая в воду, размножались
но их потомки были видны
только при определенных углах зрения
и все предметы обнаруживались
не сразу

среди двух камней можно было
заблудиться
нечто появлялось, а нечто исчезало
явное казалось
полупрозрачно-пульсирующим.

Мир-посох прорастал
и в ум не упирался.

Конь блед.

Перегородки сверхсути.

Сёла лжи.

Города мертвой памяти.

Звёздные шаги привидений

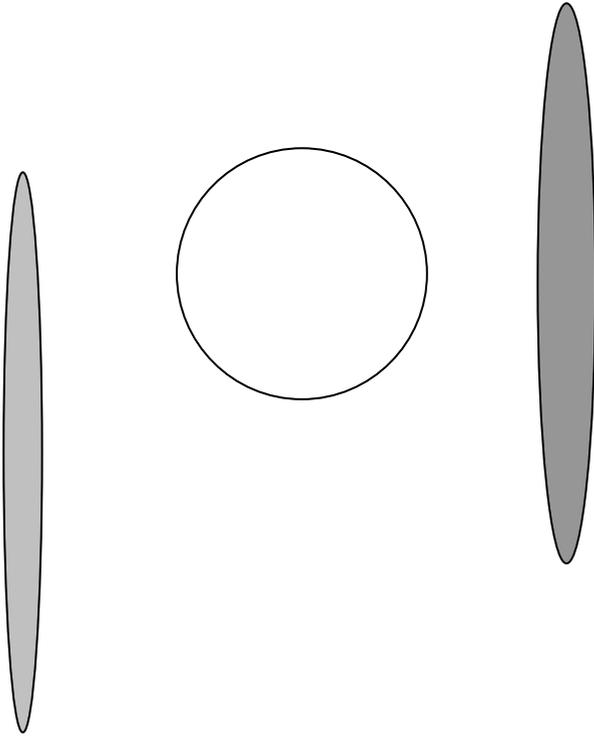
на белой луне

в сновидениях сна.

Солнце вечно беременно

мертвой планетой.

КНИГА ПЯТАЯ

*СЛАДКИЙ
ДРАКОН*

1997 — 1999

Поезд медленно движется к смерти
три часа ночи,
 «тик-так» — верстовые столбы.
 Власть прошла,
отпустила навеки —
неоконченный сон впереди.

Сновидения выпали в искры,
не бывать им цветным никогда.
Мухоморов пантерных наречье
подхватила большая вода.

Несвобода заметила внутри себя полынью,
где шли батальоны по дну ордовикского моря,
где шли легионы на штурм Карфагена
по плазме мечты,
где смерть проходила полуденным бесом голодным.
На выплесках горя зарезанным фавном
троллела ртом Жля,
в полыни раскатистость неба завязла
громами...

За островом мира — страна эластичных
зеркал
рассветно вставала в порфире
из мягких кораллов.

отражались здания в волнах музыки тихой,
а потом исчезли,
осталась бесплотность манящей истомой.
Существуют ли звуки?
Одно многодлинное эхо,
шаги привидений в стекле уходящего мифа,
пух времен слабым треском в огне раскаленного мира,
стриптиз нимф, залиставших страницы томов
претворенья

Ласково в розово-белом
соловьином старом саду
не дуют прозрачные ветры
боги не сеют беду.

Только прекрасные змеи
яд драгоценный хранят —
в чистой надежда и вера
смерти живущей в саду
лёгком розово-белом
змеином старом саду.

В аллеях любовно-стройных
Драконов прекрасен яд
и поцелуен до неба
в души соловьином саду
среди беседок покойных
где нимф белоснежен зад
где изнывают пространства
зовущие вечность назад.

В формалине русалка спала,
а подруги резвились
в аквариуме;
в воде Леты русал проплывал,
гром бежал, мир дрожал
и кусал,
парусами пространства таяли.

Тихо-мирно русалка спала
далеко от безродного зла.
Её душу случайность пасла,
продлевала пахучими
тайнами...

Мир пылал, мир рыдал, что-то рвал
на поминках потерянных стран
в дымно-тусклом шипящем вару...
Не живу,
не дышу,

не умру
— знаю-вижу: святой Аладдин
пьёт из озера снов формалин.

Обвела вокруг хвоста утренняя блондинка,
растворилась в небе тотого зенита,

где востоко-запад подозрительно светел
на голубой шее цаптого
пространства.

Иногда голуби туда проклевываются
клювом,
когда друг мой, коршун,
решает испить до конца
омут подспудного
времени.

Вспыхивают тогда
на меркнущих точках *лучезарности* —
перламутровые *крачки*
интерференций.

А — крик над бездной;
О — рот;
Я — ямб горящий;
Ю — сон китайский
 в стеклянной фанзе
 тронутой зарей;
Ы — оленей стадо;
У — вой;
Э — благородство;
Е — блажь, Е — блат,
 Е — будущее боГа;
И — равноденствие;
Ё — то, что скрылось,
дым хвои зеленой,
вспоминания
о гулких временах.

Исчезновение
исчезновение в катакомбах
проснувшейся
памяти

Холодный ветер
ветер неизвестно откуда
возникший
хохочущий

Сдувает
сдувает тление
в дление

иновремени...
Иноходь рая как будто
Будто слово во тьме расцвело
безбутонно

Провалилась
провалилась чутья
чудь
чисто-чистая —
арккотангенсы
взялись
исполнять мазурку
часто мажут вокруг
очный свет великий
взаперти зурна
за калиткой тиковой

Арго

яд гранита под полной луной
в пёстром облаке тает маяк
ярче грани распластанных вод
волоокий мираж без лица

странно уровень вод наклонен
слишком низко повисла луна
сейчас чудо произойдет
опрокинет ландшафт в никуда

в бред Атлантики движется мост
красный камень пронзила роса
бред узрения тает под сном
краб карабкается на кабестан

Давай
прыгнем
с моста
в Оккервиль,
в гонорейную гнусную муть —
всё равно суждено утонуть.
Давай прыгнем с моста в Оккервиль

Давай прыгнем с моста в Оккервиль
в сточный смрад без крестов и трусов,
в громком гвалте ликующих псов,
сладострастьем осенних лесов...

Давай
прыгнем
с моста
в Оккервиль!

когда я был сверхчеловеком
надир цеплялся за зенит
и день в мгновеньи был разлит
глухим огнем горел гранит
когда я был сверхчеловеком

пока я был сверхчеловеком
лик неземной цвел на земле
сон неземной плыл по земле
Богъ не рождал себя во зле
пока я был сверхчеловеком

когда я был сверхчеловеком
пылала в небе сверхзвезда
звенели воздух и вода
когда я был сверхчеловеком

Кораблик вёз лунатиков
неведомых, приятных, опасных.
Я трезв был,
но слегка подыгрывал
смелым галсам жёлтого
паруса.
Оказалось, что мне и не надо
опьянения сновидением:
много ясности остихиенной
в окаянных секундах
спрятано.

Да, я знаю:
умрут лунатики.
Капитан мне не друг, не товарищ.
Пусть не враг,
но смотреть не будет,
как наяды мелькают
в брызгах.

* * *

песни, звезды, бабочки, мифы
покрывало надежд опадает бесшумно
без души, без тела плыву я спокойно
безличие машет большими крылами

листья, волны, кручи и страны
разрыв полутьмы в ослепленье великом
Секунды, столетья, эры бесславно
горят в ясновиденье необратимом

Лазурь

Небесная краса
 страна хрустальной смерти
 лестница ветра
 в час лотоса
 смутный
птичьих полётов
 немеющий праздник
 вечный кристалл
 расплескавшейся сути

Шахта души
 уводящая в пропасть...

Мертвого духа
 пустая утроба

свиристели менестрели,
свиристели аурельно
орхидейно-бакалейно
и вполне галантерейно.
швиристели швилистились,
швалипадая в швалежник,
коздромучая глоконно
безбородого бокрёмка.
свиристелли переелли,
изжевали киноплёнку,
а магнитную — взорвали...

Улетели в законность.

Меж двух озер

На западе запад ходил журавлем
на востоке жила одноногая цапля
катер расстреливал время в упор
холод лета в волны вплетался

красный карлик рассвета
по-девичьи был
обжигая мелодией крыши над лесом
Язык дороги
звал в пасть могил
и к перемене души и места

В смутном кратере
черной дыры
— острозубые злые дары
не небес, не глубин, не пучин —
озлораденно-жутких личин,
дноизноченных,
мордолихих,
исколоченных,
темно-глухих,
черноярких,
чернее черты,
черновзглядами
бьющих мечты,
попирающих сон
золотой
Вечной истиной,
вечно
не той.

Антиматерь мира
мороками мрела,
выпивала сущность
сущего всего,
немотой великой
в крутизнах горела, знойным
мраком зрела,
потрошила гром.
Освящала черным
поднебесный улей,
рев хранила дикий в глубине
зеркал,
раздирала тайну
в средостенье мумий...
И Озирис рвался
в злой луны оскал.

озеро грустных снов
воздух чистых туманов
осень открыла засов
мигов оранжево-пряных

стены прозрачно-густы
грома тысячелетий
соты пространства пусты
тени в воде, словно в Лете

Это не свет фонаря
Это не светит светило
божья коровка душа
губит в пике свои силы

Укололи кусты цветом охры и крови,
цветной взрыв октября опрокинул сознание,
опрокинулось небо в стальное лобзанье.
Гильотина мигнула.
Озоном пахло от искры в мельмот
мегавольт.

За дождливое лето заряд накопился
кюри-гигазойский,
Кайнозой умирает. Свихнувшийся Каин
над пролитой магмой поет...
Лабиринт сновидений взметнулся драконом
залётным,
домино свлэк обман и меч погрузил в Геликон.

Труп кварталов и маска дождя заслонили
безумье,
песня цвета застыла обжогом в глазах,
тёмный гумус безликого времени
вышил вест-зюйдые
от страны Аладдина,
глазурно облившее прах.

я помню все, но ничего не помню
сходила с ума долгая волна
в бушующей агонии
войны уроненной
растоптанной жирафом
прерывистого сна

Шла война, где птички чирикали,
истуканились печи
в несколько этажей,
пузыри камней взметались
над криками
и падали самолёты в дымливом неглиже.

Потом тишина
будто континенты
потоплены
и черный пух
серебристого тополя...

Плыл по небу Альберт Эйнштейн,
но превратился в кушца бородатого.

А до этого

рваный будда японского вида
задирал нос

и кому-то указывал пальцем на себя:
«Вот я какой! Был Темучином,

монахом,

чернильницей истины,

светом Востока,

лошадью Пржевальского,

мочевым пузырем божества...»

Не менее получаса

длился небесный фильм.

И плыли всё головы, головы, головы...

И ничего иного

в этом квадрате окна...

Я не понял, в чем фокус,

не понял,

кто покусился на невинное стекло

и Гольфстрим неба.

Как посмели

небесные силы

кощунствовать над лошадью Пржевальского?

Колеса красные катились
и ветер

шевелил золу

На берегу пустынном

витязь

возник

И врезало ему

Когда остались только песни
больных заплаканных высот

вдруг оказалось:

мир чудесен,

когда безлюдно он живет

Светлые ночи.
Отсутствие звезд.
Где мои тени — старые души?
Плеск светофоров
в туманный развод,
клёкот глубин
и рыдания суши.

Ополоумевших снов изворот,
полуразмытая гамма иллюзий...
В мир Никуда — это полный
Вперед,
брод через Стикс в озаренье пуруши —
музы, ведущей в невидимый грот,
где запредельное зрение лучше.

Солнце и страсти губят человека,
блики моря отравляют кровь,
 травы душиат ароматом тело,
нежным соком загоняют в гроб.

Шевеленьем убивают мысль
 деревья,
силой веток продлевают сон...
Роза ветра осыпает серым
 падаль духа —
тусклый небосклон.

повстречался со звёздами в чистом поле
их было много — не обойти
потерял голову
в дальнем просторе
родников мира
в безлюдном пути
словно ненадолго фейерверк
застывший
завтра мира не будет
не будет конвейера снов
неожиданно рухнут высокие кручи
а пока дышат
не сжигая основ

высоко мерцает бред раскаленный
изображая знаки
прощания
со всем живым

отраженные в небо тянутся путы
над дымом отечества,
ядом голубым

На асфальте — киноварь.
В воздухе — ахи.
Опять подкатила
шершавая сущность
тусклого мира.

Серое...
Любит серым клубиться.
Выше трупа лазури.
Обволакивает.
Тянется, тянется, требует жертв.
Незримо высасывает.

Правда языческая.
Прямая.

захватила желтая аллея тополиная
понесла стремительно время вспять
изумительно кровь застыла быстро
ровной линией разрезало

Окрест дышал

слабый ветер кое-где прощелины
находил в туманный мир иной

ум летел

и небо

светом грешное

лило вниз

обманчивый покой

девушка
с детдомовской прической
в пальто похожем
на сирень

пружинисто-

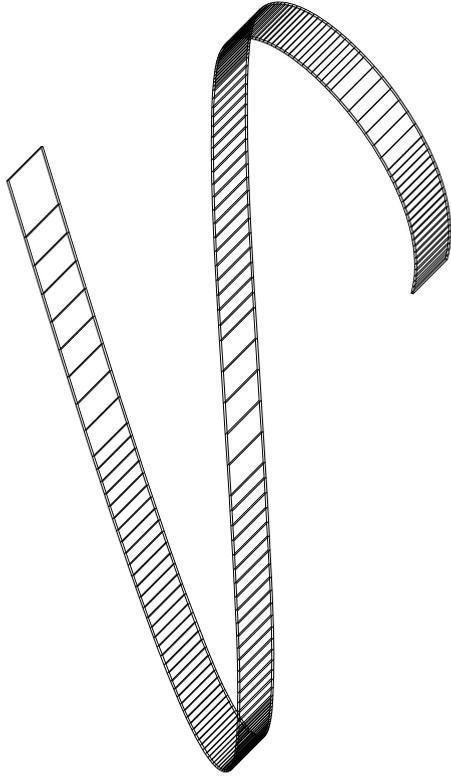
стью
горностая

напоминает

свое будущее

в клетке дворца с большими зеркалами

отражающими
змей

КНИГА ШЕСТАЯ

ЗМЕИЧЬЕ

ИГРЫ

2000 — 2001

вдруг я четко и ярко представил
ступеньки крыльца дома
который был не в этой жизни...

я вспомнил
что много тысяч раз
по ним спускался
и поднимался

три секунды
как плач
звучала перспектива времён

* * *

брошенные люди
сломанные броши
в парниках разбитых выросли гавроши

хорошо смеяться курам на руси
колеи не трогай
небеса неси
млечность мило смотрит,
поглощая миг,

Ураган несетя
дней вневременных.

Оргазм

О ЭТОТ ТОНКИЙ СПОСОБ
самоубийства
В МИНУТУ,
КОГДА ЧИРИКАЮТ
ВОРОБЬИ.

Начинается всё сначала,
повторяется точь-в-точь,

а финал тот же...

Белые пены на тёмном фоне
зелёные — в светлом просторе
тихо звучат в умирающем хоре
моря,
в отливном пароле

Чёрные свастики
в желтых зарницах
топких мгновеньях безлицых...

Омег пространства
есть или мнится?
Эльмы на башенных шпицах.

* * *

Арки моста за стогами
облако спит на лугу
Зримость неправильна
Раем
край этот внидет в труху

Гимн лопуху — это утро
русский мотив
в вышине

Пашни, овраги, ловитвы
медленен путь к сатане

Блестки звуков незвучавших
шорох рифм без окончаний
хороводе нёба неба —
утолимая печальность,
утаимая забота,
мая дух
в душе декабрьской

белые боги в незримых облаках —
потолки, горизонты,
 бесцветный огонь,
многотолки созвучий,

могущества страх,
беспокойство рассветов,
 питающих дрожь.

рябь каналов, несущих из устья волну,
лукоморья пьянящего краской мечты;

многопенность созвучий, сплетающих круг,
 под пылающей лавой небесной тщеты

Белогрудые тучи-гробы
белогорбые грыжи мечты
у черты-нечеты горбыли
духомерки

дыханья воды

Дождеполые патлы-плоды
спермодурые плети-бразды
леторудые рады

грозы

живомерного взгляда

лады

РО-ДИ-НА —
МАТРЕШКА ЯПОНСКАЯ.

ТУРА. ТУРА.
ЛАДЬЮ ТВОЮ
В РАСТУДЫКННУ ГОРУ.

КРЯКВЫ КРИК НЕ УВАЖАЮТ.
Чихто...

КИРКОЙ.
КИРКОЙ
БУРИ ПО ВОЛЕ.
*Дымай по далям
шлейным.*

Полутона, полусомненья
на студне неба расцветают,
творят не-наши опьяненья,
морочат душу призываньем.

Расплеск надмирный
в каждой
луже,
всеобретение в гробу...
Дави колёсами большими
страницы жизни,
рябчиков жуй.

как неприятно:
первый снег.

глянул в окно:
повсюду —
мир потусторонний...

словно в аквариуме — скелеты,
вместо рыб,
за окном —
снег костей.
Россия — поле Куликово.

Трюпье монахинь, не воскресших раю,
червей шуршанье, колокольный звон
и благодать обители. Мычанье
пятнистых телок, ток воды в бидон.

А трепет пасхи одесную дальше,
невесты боГа там, где служит дед,
где строгость слова и поступка знают
и забывают рог и лов, и тлен.

Безгрешный секс простых небесных птичек
почтит наш безутешный век,
глубоких мыслей постное обличье,
утечку духа на нездешний брег.

Там,
где-то в пространстве между
вечерними
и ночными любовницами,
змеиные кольца
юго-восточного ветра
вышивают персидский
мотив
на молекулах смуты;
небесное озеро звёздного света
тихо спускается вниз
по серпантинным извилам.

Почва уходит,
не нужно ее, —
невесомости яд проступает.

Искроносый комар запищал,
сизобор в беломхах угорел.
Угорел, убежал в краснотал
и упал черным углем в блеск рек.

Я в болоте сует утонул,
в кругосне черно-белых полос...

Взбеленной юдоли разгул,
удивленного неба колосс.

мухи летальные ждут,
в небе — психец блендовоза,
Маков реальность в саду,
раков клешенья в аду,
нет утешенья —
Му-му!
Радость зовет нелюбовно!

Жвачные силы идут,
пьет органон летаргию,
лоб вырастает во лбу,
 пляшет звезда во гробу...
Лонная топит стихия!

Европе

Сперматозоид стучится в дверь,
сперматозоид!

Чуть не взорвался, не улетел
к звездам геонд!

Смеясь, под кручей
блестит Стамбул,
Константинополь
обув в луну.

ласточка с того света была пугливой
показала хвост, когда отворял окно
пагода на востоке, казалось, открылась
на западе головы поменял дракон

ласковые стихии внутри столпотворенья;
пух, улетающий ввысь, напоминает о чем?
мелкое худо насилует вечности,
рѣв летопада пронизан лучом

Сумрак.

Сосны.

Зарево высей.

Черные крылья

в кладовке глаз.

Берег молчания.

Дух убит сушей.

Дольней страной горельефных гримас.

СТАТЬИ О ПОЭЗИИ

ПОЭЗИЯ

(в неспецифическом смысле, поэтичность).

Малоопределимое тоническое ощущение высшей одухотворенности, эстетической уместности, возвышенной осмысленности, вызывающее катарсис, эмпатию, напоминание о лучшем (мире, чувствах, возможностях, жизни).

Отличия от экзистенциала-экзистенционала "красота", "прекрасное" иногда сложно провести, но они есть. Поэзия не является монокатегорией или чем-то первосубъективным, не определяется как облегченное предельное положительное ощущение. Она принципиально десубстанциональна.

Сверхмузыка тяготеет к доабсолюту, сверхживописность — к постабсолюту, сверхпоэзия — к одной из сторон абсолюта.

Хочу подчеркнуть: именно тяготеет, но не является! Забвения нечеловеческого (надчеловеческого) эроса обязательны, иначе не возникнут смутные напоминания о нем.

ЕЩЕ РАЗ О ПОЭЗИИ

Поэзия имеет довольно косвенное отношение к стихотворчеству. Ярче всего и острее всего поэзия и философия выразимы в музыке, но для самой музыки (она универсальна!) подобное слишком эпизодично, более исключение, чем правило. Поэзия есть и в живописи, зато недвусмысленных примеров наличия там же философии я не могу припомнить. (Есть исключительно наметки. Необходимой пронзительности нет ни у Босха, ни у Дали, ни у Эшера.)

Поэзия в литературе (но не поэзия как формальный вид литературы!) только способна принять более развернутую форму.

Поэзия в литературе как явление более управляемое (чем поэзия в жизни, музыке, живописи и др.) может иметь три задачи:

- быть мнемонической зацепкой, своеобразным консервантом иной поэзии, фиксацией восприятий визионера-поэвидца;
- быть инструментом поиска особых высших восприятий;
- и наконец, инструментом создания поэтических восприятий через их представление.

Поэзия — транспортное средство в мир иной.

СИМВОЛИЗМ

Это довольно неудовлетворительно определяемое направление в искусстве и литературе конца XIX — начала XX века. Столь же неудовлетворительно объяснение причин того, почему символизм себя "исчерпал". Сложность оценок вытекает из неоднородности творчества символистов, многослойности их произведений.

Сила и одновременно слабость С. в том, что в главной своей нацеленности он был направлен на создание шедевров, причем чисто эстетических, абсолютных, а не историко-эстетических, музейно значимых. Шедевры в первом смысле требуют от художника иного отношения к своей области, чем при обычном акте творчества. Мастер должен как бы покидать собственное мастерство, свою область, оказываться на ничейной полосе в сфере культуры вообще.

В поэзии подобные отходы от ремесла редко приводят к успеху (попытки сверхискусства), а чаще дают либо графоманию, либо потерю экспрессии и выразительности при относительно товарном виде произведения.

Направления до С. и после него отличались гораздо большей цельностью своих конечных результатов. Критерии такой цельности, конечно, относительны. В русской поэзии школа символистов создала не более 150—200 шедевров за всю свою историю. Эти стихотворения отличаются высочайшим эстетическим накалом, экзистенциальной необычностью — постоянно создавать именно такие произведения не способен никто, а творчество, как правило, оценивается не по исключительным случаям. Такова одна из причин падения С.

Другая его причина: питательной средой С. был декаданс, явление не только искусства, но и цивили-

зации в целом. Возникая на известных перегибах истории, декаданс не может продолжаться вечно.

Одна из вершинных особенностей русского символизма заключается в следующем: так называемый "образ героя" в произведениях, "лирический герой" есть НЕ-ЧЕЛОВЕК¹. Не-человек даже в тех случаях, когда автор навязывает ему будто бы обычные человеческие эмоции и намеренную приземленность. Герой здесь — субъект, вылетевший из человеческой оболочки, нечто вроде того духа, что смутно брезжил и раньше, но вгонялся в прокрустовы формы либо байронического героя, либо демона и нелепого Заратустры. Именно в символизме не-человек предстал без маски и приставных крыльев. Русская нелюдь перешагнула не только национальные формы, но — в отдельных случаях — и европейские эстетические каноны. Не-человек живет миром таких экзотических чувств, какие для обычного человека невозможны. Мир ИНЫХ ЧУВСТВ (чувств, не являющихся эмоциями) — еще одно отличие символизма, и не символизм их изобрел...

Структурные и фактурные особенности С. даже при наличии обычной тематики или формальной бес-тематичности (собственно "искусство для искусства") призваны вызывать сверхэмотивные чувства, делать видимым даже за намеренно неприхотливым, квазиобычным описанием нечто НАДМИРНОЕ, СУПЕРВАЖНОЕ, по сравнению с которым смерть человека или его жизнь — ничто. Вполне законны такие старые определения символа как "дверь в Эдем" или "ключ от вечности" — С. во многом опережает философию.

Термин "символизм" первоначально неверно связывался с наличием двойственности мира (в чисто житейском плане в этом есть некоторый смысл). Удвоение мира — и в любом несимволическом произведе-

¹ Такое написание выбрано вследствие обычного придания других смыслов словам "нечеловек" и "сверхчеловек".

нии: во всяком случае, присутствует противопоставление структуры произведения иному. Однако идеи Платона (и даже Плотина) никакого отношения к С. не имеют, если, конечно, не подразумевать в виду платонизма в трактовке мыслителей-эклектиков. Теоретическая сторона С. была довольно слабо проработана и французскими символистами: их манифесты, заявления в основном чисто декларативны.

Потустороннее — не идеальное. Оно — норма, субстанция не-человека либо здесь-теперь обычного человека² в тех или иных редких случаях. Задача искусства и, в частности, символизма заключается в приближении т о г о с ю д а. Однако подобное высказывание — условность. В действительности т о находится з д е с ь, никакого дуализма нет. Искусство только усиливает не-человека в человеке (модернистские шедевры). Дается не контрастное отношение двух плоскостей, не перетекание из одной области в другую, но прояснение, отмывание, призывание человеком не-человека, а иногда — отбрасывание не-человеком человека... Такое отбрасывание может осуществляться самым невинным образом, например, методом особой выразительности при выписывании натюрмортов, вне каких-либо художественных эксцессов. Изобразить можно довольно простое; главное — наличие в простом не нашего, не людского, а каким образом этот эффект достигается — дело мастера. "Девушка вензель чертила на зимнем окне...", "Сырой песок покорно был готов отпечатлеть ослиные копыта..."³ — ничего выходящего из рамок формально здесь нет. Достаточно показать, что девушка и копыта — ни при чем, что они — примета неприметности, случайности, то, чего могло и не быть.

² О парадоксах жизни-творчества отдельных поэтов я говорил в эссе "Символисты". Оно представлено на нескольких сайтах в электронных сборниках: "Камень от входа, или Попытка мощи" и "Большое и малое".

³ Строчки из стихотворений В. Брюсова и Ф. Сологуба.

АНТИИНФОРМАЦИЯ

Бесструктурно-тонический (бесструктурно-тоновый, нерациональный) аналог сообщения (сигнала).

Конкретная антиинформационная данность — это менее интенсивное иррациональное, являющееся подобием (по тону, а не по структуре) более интенсивного, предельного или запредельного иррационального.

Антиинформационное всегда содержит в себе момент ожидания и тоновую лестницу потенцирования интенсивности.

Субъективное антиинформационное ненасыщенно и проявляется в реальных мистических ощущениях.

МИСТИКА И СИМВОЛИКА

При достаточной необходимости мистическим ощущениям можно подобрать физиологические, прагматические и прочие полуобоснования, полупричины, но подобное может носить только вспомогательный характер, например для нахождения места мистическим ощущениям среди прочих явлений, но мистические ощущения уже содержат в себе ссылку на иное, не сводящуюся к тем или иным заведомо известным схемам. Эта ссылка представляет собой не только экстраполяцию, но и нечто похожее на реактивное осязание иного. Реактивное осязание-ощупывание совершенно иррационально, а потому весьма неправомерно производить по отношению к его иному какие-либо попытки рационализации — это будет новое мифотворчество.

Большинству мистических ощущений (в том числе нелогосных) соответствует слабоинтенсивный разлитый смысл и едва заметное разлитое океаническое ощущение. Последнее указывает на то, что и совершенно "незнакомые" мистические ощущения родственны субъективному миру, представляют для него некий глубинный пласт, который эпизодически может появляться в качестве наличного. Высказывание "глубинный пласт" следует рассматривать только как многозначный символ, но не в прямом смысле. Превращение глубинной кажимости в модель, в строение психики — традиционная ошибка. Родственность и знакомость незнакомого в рассматриваемом случае такого рода, что мистическое кажется ближе обычных ощущений, обычных каждодневных данностей субъективного мира, то есть, по крайней мере, некоторые из особых реактивностей тонически представляются более родной стихией, чем набор обычных сред сознания или чем прагматические среды.

Мистическое всегда касается пределов тривиального существования. Через мистическое сможет прийти подспудно и то, что не доходит через обычный смысл и зарефлексивно спрятано. Эта спрятанность может приобретать различные формы на самых разных уровнях при попытках ее импульсивной или опосредованной интерпретации. Вовсе не обязательно истолковывать черно-белые клавиши в стихотворении Бальмонта как дни и ночи; "темный дуб" из стихотворения Лермонтова, который "склонялся и шумел", — как продолженный героем человеческий род, как ветви дивергенций; а блоковский "благовонный речной цветок" — как нечто фаллическое. Мистическое часто переплетается с той или иной подавленностью зарефлексивных проторенностей. Имеются в виду не только галлюцинации испытывающего жажду, в которых представляется колодец, грезы голодающего о царских яствах или обманчивость либидозных восприятий. Даже задержку дыхания Сведенборгу удавалось использовать для целей духовиденья. Многие из мистических ощущений являются симптомами вылетания из человеческой оболочки, а это вылетание осуществляется далеко не всегда на путях пересечения с первичными потребностями, хотя полностью исключать пусковое значение последних не приходится.

Рядоположенность ценностных ощущений такова, что мистические ощущения (собственно мистические) оказываются на вершине всех тех ценностей, которые даются непосредственно. Однако в этой непосредственно-реальной ценности есть и своя косвенность — некоторое обещание-воспоминание. В прямом смысле мистические ощущения выступают как пудра существования или "лихневмон" — лакомое средство обмана. Ссылка, содержащаяся в особых ощущениях, никогда не достижима, а это и есть ссылка на кульминационный пункт бытия (пусть даже предполагаемый, экстраполятивный) — Эрос-Логос-Хаос. Этот пункт выступает как нечто логически законченное в себе, а также как нерасщепленный "цвет" рассмотренных выше от-

тенков, но при попытках более полного рассмотрения субъективного мира перед нами появляются и иные "бесцветные" экстраполятивные пункты: внелогическое первичное (запредельное волевое в себе) и иносхватываемость, запредельная схватываемость (максимальная структурная дешифровка). Эти экстраполятивные объекты, так или иначе, вплетены в импульс жизни.

СЮРРЕАЛИЗМ

Инореализм, сверхреализм, открытие оборотных значений кажимости. В широком смысле — совокупность весьма разнящихся направлений в искусстве, демонстрирующих первые фазы пересмотра натуралистической связности или отказа от предметности, а также — пересмотра традиций в творческих методах и мышлении.

Эмоционально менее стерилен, чем абстракционизм; в отличие от многих направлений экспрессионизма содержит отказ от трафаретной системы ценностей; эйдетически близок имажинизму, но значительно радикальнее его.

Большинство произведений С. оказались эстетически ложными, коллажеподобными. Известность их сравнима с геростратовой славой. Деструкция, трансформация, гибридизация, создание новых предметностей, формально не имея в себе ничего запретного, в С. чаще всего обращены не к демонстрации некой сверхреальности, но де-факто к обывателю, к не самым лучшим его свойствам.

Вершина С. — психоделический С. Сюрреалистические шедевры, как правило, не противоречат предыдущим экспериментальным направлениям в искусстве, универсальной (расчеловеченной) эстетике. Квинт-эссенцией С. являются произведения, рассчитанные не на социально утилизированное сознание, а на сознание феноменально независимое, раскрепощенное, на филогенетическое ядро сознания.

Связанный с именем А. Бретона, исторически осуществленный С. имеет в первую очередь пропагандистское значение, важен событиями агрессивного внедрения крайностей новейшего искусства в суперструктуру социума, то есть созданием условий для последующих приемов необычного искусства и развития последнего. В этом аспекте роль исторического сюр-

реализма более заметна, чем роль кубизма, абстракционизма, футуризма.

НЕОСЮРРЕАЛИЗМ

Сюрреализм, отличительными особенностями которого являются:

1) отсутствие существенных противоречий принципам неоромантизма и символизма;

2) принцип "палео-футуро", который утверждает, что попытки новых суперпозиций культуры должны иметь опоры в палеоданностях внеэмотивных чувствах (особых бесструктурностях);

3) отказ от эмоций и бытовых описаний — внечеловеческий универсализм;

4) особые фигуративности и сверхфигуративности, если они присутствуют, сочетаются в Н. с принципами нефигуративного искусства;

5) принцип отбора: так называемое автоматическое письмо должно тщательно отбираться и оцениваться на предмет соответствия кульминационным моментам дофункционального сознания.

Стихийно Н. частично присутствовал в недрах обычного сюрреализма и модернизма вообще. Можно привести в пример некоторые тексты Ханса Арпа, отдельные картины Ива Танги. В музыке одной из форм Н. является так называемый минимализм.

АБСОЛЮТНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ, ПОТРЕБНОСТЬ АБСОЛЮТНОГО

Потребности, побуждающие человека к деятельности, превышающей уровень прижизненной практики человека и человечества. Важность этих потребностей не умаляется тем фактом, что они возникают из различных дисгармонических моментов индивидуального развития, неправомерных спонтанных воззрений, ложных формулировок вопросов, фантастических представлений и т. п.

В некоторой степени абсолютным потребностям отвечают наиболее теоретические или удаленные от сиюминутных запросов области наук, искусство, философия. Независимо от научного, художественного или философского уровня соответствующих работ, попытки решить те или иные "вечные", "абсолютные" вопросы носят, как правило, наивный характер. Мастерство оказывается ложным знаком авторитетности.

Абсолютные потребности выходят за грань человеческой оболочки, и потому потребность абсолютно деструктивна в своей основе. В качестве суррогата удовлетворения потребности абсолютного выступают психоделические восприятия в их компарации с обыденными восприятиями, подделки общей теории всего в теоретической плоскости и претензии на шедевры в художественной сфере.

Выход на некую универсальную дочеловеческую ось, игнорирующую частную культурную символику, во многом остается мечтой.

РЕАЛИЗМ И НАТУРАЛИЗМ

Реализм — мировоззрение (или способ художественного видения), основанное на отказе от традиционализма и бытового фетишизма, от свойственных человеческой цивилизации искусственных схем науки, философии, идеологии, предусматривающее свободное отбрасывание фикций.

Реализму не присуще абсолютизирование кажимостей восприятия и расширение этих кажимостей за их собственную грань. Сказанное касается, прежде всего, содержания. Форма выражения часто ограничивается диапазоном человеческой способности ощущения. Заведомая ограниченность формы (мода, преемственность, готовность создателя и воспринимающего здесь могут не подразумеваться) до определенной степени ограничивает и содержание, а потому речь идет не о некоем "реалистическом" произведении в себе (или мировоззрении), а о произведении искусства (мировоззрении), ориентированном на реализм.

Нативная человеческая реальность здесь-теперь-так, если и сковывается возможными способами представленности, все-таки в состоянии модифицироваться сама в себе, в том числе с помощью искусства, но она не должна теоретически распространяться в неизменяем виде за свои пределы, то есть туда, где ее нет. Тем не менее, она может использоваться в попытках внеобразной передачи того, что находится вне ее, в тех или иных рамках ее гибкости, пластичности, а это часто предусматривает подход к границам человеческих способностей.

Натурализм — копирование в мыслительном и художественном творчестве ближнего плана обыденной прагматики — не есть реализм. Многие художественные направления: символизм, импрессионизм, фовизм, экспрессионизм — отчасти были попытками открытия глубинной реальности, способами вызова к жизни чувств, связанных с фундаментальными нача-

лами. Речь идет именно о призыве, вызове, а не о мимесисе.

Создание новой реальности в искусстве технически затруднено и касается только структуры. Иногда можно стимулировать появление новых оттенков чувств, но создание новой бесструктурности в чувственном невозможно. Другое дело, когда речь идет о чисто индивидуальной новизне — том или ином бесструктурном, впервые открывающемся перед индивидом и неизбежно вплетающемся в события его потока существования.

Подавляющее большинство направлений в искусстве, литературе, философии реализмом не являются. Это своего рода относительное функционально-биологическое, функционально-социальное описание в доступных формах ближайших нужд и кажимостей человеческого муравейника и отдельных элементов последнего.

Литература часто выступает как продукт сенсорного пропитания, строится на законах возникновения пристрастий и азарта, то есть оказывается чем-то вроде спорта для воображения. Разного рода социальный реализм — пример навязывания миру случайных фигур, рядоположенностей внешних проявлений родового и стадного без какого-либо онтологического преломления.

Особенность течений, близких Р. — универсализм, выход за социальные и биологические оболочки. Описательно-натуралистическое искусство неких разумных червей могло бы быть интересным только зоологам.

Итак, основная черта существующего натурализма — гоминидная ограниченность...

ПРИЧИНА ПАДЕНИЯ СИМВОЛИЗМА

В России не было, нет и, возможно, не будет ничего, кроме одного явления — символизма в поэзии. Символизм в иной языковой среде был значительно слабее, провален уже недостаточной степенью концентрации и тематически. А березки растут также в других странах. Наука и техника — дело международное. Привязанности, привычки — насильственны, даже родной язык. Русская проза подрезана на пути к своему Эвересту: Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов — еще чуть-чуть модернизма и... — никакого ожидаемого аккорда. Когда очнулись, испарился модернизм вообще. А русская философия дважды уничтожалась в самом зародыше. Проснулись: философией уже никто не занимается, отпала вместе с метафизикой, а одно без другого практически невозможно. Научной или философской интроспекции не существует. Себе на пуп (а заодно в нирвану) смотрят лишь йоги.

Итак, символизм. Но он исчез. Оставил гораздо меньше следа, чем акмеизм и футуризм. Параллельный пример: Кандинского выдавили из России, но абстракционизм дважды возвращался: и к нонконформистам времени бульдозерных выставок, и к художникам времени перестройки. Сейчас абстракционизм не запрещен, но почти не дышит, хотя именно он не завершен, не видел своего акмэ и недостаточно исследован. Однако важно другое — все-таки возвращался. По символизму ни публика, ни пииты не вздыхали. А если вздыхали, то не слишком энергично.

Казалось бы, ответ на вопросы о падении нужно искать в причинах возникновения. О подобном я не думаю. По своему метафизическому качеству символизм должен быть. Обычные рассуждения о законо-

мерностях его возникновения представляются смехотворными, притянутыми за уши.

Враждебно встретили? Так враждебно встречают многое. Как клеймили сюрреалистов! А теперь от сюрра не избавиться. Он — повсюду! А в искусстве он теперь — прием.

Формально не так плоха гипотеза об исчерпанности. Мол, исчерпаны источники и темы, подобно тому, как исчерпываются месторождения драгоценных камней и металлов. Де закончилась золотая жила. Однако русский символизм достаточно многообразен, не ограничивается хрестоматийными примерами. Кроме того, еще почти не использовались выходы за грань классического стиха.

Важна проблема восприятия. Взгляните на многочисленные антологии. Ведь воспринимают не того Блока, не того Федора Сологуба. Ищут бытовое, близкое себе! При этом высшие экзистенции Блока — эти высоко бегущие по карнизам "улыбки, сказки и сны" — многим представляются пустыми абстракциями, а не чем-то живым и дышащим. Позднего Блока ценят больше, чем раннего, а должно быть наоборот! Откуда же здесь сохраниться символизму, если у символистов выбирают вовсе не символизм, а побочное!

Мой ответ: "Символизм убит мурлом мещанина". А таким духовным мурлом становились даже следующие за символистами поэты, не говоря уже о других обывателях. Генетически исчез тип человека, необходимый для особого виденья, ушла некая приходившая со звезд волна.

ВЕРЛИБР НЕ ОСВОБОЖДАЕТ...

Верлибр не является полностью свободным стихом, поскольку обычно в нем формально недопустимы элементы поэтической ритмизации, иррегулярные, случайные или даже необычные по расположению рифмы, скрытые от беглого взгляда. Считаются крайне нежелательными ассонансы и всякая преимущественная опора на гласные. Да и аллитерация не приветствуются. Оказывается чуждым белый стих, хотя и здесь вполне достижимы раскованные варианты, комфортные для современного восприятия.

Намек на античные размеры? Долой! Существуют апологеты "чистого верлибра", которые гневно вычеркнули из готового сборника всякое отклонение от кажущейся им нормы, обязательно обеднят мелодику.

Именно поэтому можно попытаться использовать термин "освобожденный стих". Где-то неплохим было бы название: "Плавный нерифмованный стих", но оно оказалось бы неточным, поскольку моменты, препятствующие возможности грубого скандирования, мало разрабатывались, а слово "рифма" многосмысленно, да и специально ставить задачу абсолютного избавления от рифм творчески непродуктивно. Хотя лучшая рифма — подсознательная, та, которой не видно.

С одной стороны, чистый верлибр плохо прививается на русской почве, нередко отталкивает, с другой стороны, в нашем мире классический стих стремительно устаревает, уже устарел. Нельзя бесконечно подстраиваться под достижения позапрошлого века. Времена давно изменились. Нужно искать некоторый промежуточный путь. Однако для этого требуется определенная критическая масса — набор примеров предельно удачных свободных строк. При этом главное в

выборе — борьба не с формой, но — с бытовщиной. А именно заигрывание с бытовщинкой — главный грех современной поэзии. Он регулярно поражает от 90 до 98 % произведений.

ПОСТМОДЕРНИЗМ

Полузагадочное (по своим причинам) маргинальное явление современной культуры, претендующее на центральное и имеющее как совокупность разнородных течений-направлений следующие признаки:

1. Окончательное разрушение ранее бытовавших принципов холистичности и связности в культурных традициях, критика предыдущих культурных традиций с неосознанным и некритичным (философия) и пародированным, карикатурным (искусство) включением их в себя.

2. Потеря "логоцентричности" (философия), потеря нацеленности на прекрасное или "лучшее" (искусство).

3. Уход с высот интеллектуальной рафинированности в философии через посредство серьезных недочетов и непроработанных мест в учениях Гуссерля и его последователей. Сочетание постановки новых проблем с одновременной примитивизацией старых, интенсификация футуристического прогресса через регресс (философия).

Переход к "уличности", "офенности", ближним мещанским планам существования с одновременным заимствованием композиционных принципов у кинематографа, радио, телевидения, компьютерной технологии, кулинарии (искусство).

П. — несомненная болезнь. Главное для П. — неувоенность уроков знания промежуточного между имеющим превалирующее хождение (научное, паранаучное, обывательское) и релятивно уточненным знанием, потеря герметической сути внутри программных герменевтических схем.

Общие черты П.: псевдообъективизм, фетиши несуществующего, опора на психоаналитические сказки.

На смену устаревшему принципу гармонии все еще не пришел какой-либо новый, столь же мощный по своей цементирующей силе. В этом трагедия современного общества. П. — нелепо-диффузные, бессвязные поиски такого принципа. П. как бы символизирует женскость современной цивилизации, переход от единства к множественности, от техники — к технологии, от фундаментальной науки — к короткоживущим рабочим гипотезам.

В философии и искусстве выдаются не окончательные произведения, но формальные порывы и сбивчивые эссе, показательные попытки, обещающие материалы для будущего. Это уже не женскость, а — квазидетскость.

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ

К концу 1980-х годов — наиболее распространенное нигилистическое околофилософское направление. П. фактически подготовлен не французскими мыслителями, а всем ходом немецкоязычной философии. Если Гуссерлем был окончательно выветрен из философии живой субъект, то хайдеггеровским компенсаторным псевдотрансцендентом — объект. Попытка оживления объекта превратилась в его смерть. В историко-философском смысле тандем Гуссерль—Хайдеггер не знает аналогий. Таков центральный исходный пункт П.

Гносеологической предпосылкой П. является факт узости сектора реальности субъекта и объекта в сфере практического существования человека. Полагаемое за действительность, в основном контингенте случаев является фикцией.

Нигилизм по отношению к основным вопросам философии успешно сочетается в П. с идеологическим примитивизмом, широким внедрением в философский обиход наивного реализма.

Поражает сходство П. с марксизмом. У провозвестников и апологетов П. нет основополагающих трудов, зато есть критика и рассмотрение второстепенных вопросов в подробнейшем журналистском ключе.

СМЕРТЬ ПОЭЗИИ

/манифест/

Есть поэзия — явление, всего-навсего вид литературы, к которому так склонны наши грамотей-рифмачи. А есть поэзия — сущность⁴, что может присутствовать где угодно: в пейзаже, музыке, прозе. В данном заголовке я подразумеваю синтез двух поэзий, то есть поэзию, начиненную поэзией. Подобное в последнее время исчезает.

По уровню литературного процесса Россия оказалась отброшенной на десятки лет в прошлое из-за пропусков важных этапов, откровенного манкирования опытом мировой литературы. С этим многие согласны, но в упадке этого процесса она порой опережает другие страны. Если в Европе метафизически значимая поэзия умерла в конце восьмидесятых годов XX века, то в России значительно раньше — уже в тридцатые годы, на полвека раньше. Священным знаком смерти поэзии как раз явились ныне прославляемые обэриуты. Желаящие могут рассуждать на тему о том, как муза поэзии попала в стакан полный мухоедства, как с помощью поколения дворников, сторожей и работников "котлонадзора" она стала смотреть на мир глазами ЖКХ. Вопрос о ее гибели в англоязычных странах более сложен. Ясно одно: поэзия почил

⁴ Эта поэзия в неспецифическом смысле — малоопределимое тоническое ощущение высшей одухотворенности, эстетической релевантности, возвышенной осмысленности, вызывающее катарсис, эмпатию, напоминание о лучшем (мире, чувствах, возможностях, жизни). /См. первую статью./

там гораздо раньше, чем в континентальной Европе. И, конечно, в Европу смерть поэзии пришла оттуда, а не из России.

В чем дело? Конечно, в демократии, различии и пролетаризации, как в случае России. Равенство и прочие свободы, массовая культура не способствуют аристократизму духа.

Дольше всего дыхание поэзии поддерживалось вне Парижа и Гамбурга: в Бельгии, Люксембурге, Западном Берлине — пограничных островках. Немцы-поэты очень часто носили французские фамилии, французы — немецкие.

Кто сказал в поэзии последнее слово? Отнюдь не русские символисты. Им крупно повезло: они явились на свет позже, чем символисты французские, но и они поспешили. В двухстах-трехстах текстах они подняли поэзию на недостижимую высоту, но в основном тематически и чувственно. Принципиально новой формы они не изобрели, а мы обязаны учитывать и форму. А тот, кто изобретал форму, испытал тематическое и чувственное снижение, хотя и не потерпел полного краха.

Итак... Последнее слово начали произносить Хлебников, Георг Тракль и Лорка. Его произносил Ханс Арп. Его договорили Жак Рубо, Ив Бруссар, Иван Голль, Анис Кольц.

После этого на всем западном пространстве профессиональные поэты приступили к бытовым по теме, хотя и лиро-эпическим по призыву, излияниям. Поэтическая тема, поэтическое содержание как таковые исчезли.

Утонувшая в мудром провинциализме Россия, перемешав, а то и скрестив, акцентный стих с поэтическими формами XIX века, из мира социалистического реализма будто бы перешла в мир бытового, то есть

социального реализма. Зачастую и при тривиальном тра-та-та осталась. Идет бычок, качается... Не заметил, что доска кончилась!

Но главное: по-прежнему сохранился корень "СОЦ". Фактически соцреализм остался!

Многие авторы находят утешение в подключении к традиционной песенно-есенинной стихии. Утешение здесь можно найти, но поэзию этими "трали-вали" и "бу-бу-бу" уже не спасти, на какой лад их не произноси. Де-факто они не перекликаются с темой, а масса так называемых мягко-лирических тем уже старомодна по колеру и вызывает невольную усмешку. Человечество взростеет, и с этим нужно смириться, а чувственные вибриссы для открытия или творения сверхмиров даны ничтожному числу представителей рода людского. Да и никто никого не воспитывает, не образует в этом направлении.

Молодые люди начала третьего тысячелетия не понимают самых элементарных текстов Ханса Арпа. Они почему-то не видят в них поэзии. Можно только догадаться, о каких благоглупых кудреватых метреиках они мечтают. Где тогда этим людям постигнуть гиперверсификаторство Геннадия Айги, Ивана Жданова, раннего Драгомощенко. А ведь на практике именно названные поэты (по мнению некоторых критиков, всего лишь "имитаторы"; как и Джойс, писатели для писателей, а не для читателей) являются хранителями той кунсткамеры, где среди чучел, мумий и заспиртованных уродцев, возможно, скрываются две-три полудохлые споры поэтических бацилл.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

1. <i>Книга первая</i> «ВИДЕЗИЯ» (1967 — 1976)	5
2. <i>Книга вторая</i> «БАШНИ» (1976 — 1984)	85
3. <i>Книга третья</i> «ОГРАДЫ» (1984 — 1992)	159
4. <i>Книга четвертая</i> «ШПАЛЕРА» (1992 — 1996)	231
5. <i>Книга пятая</i> «СЛАДКИЙ ДРАКОН» (1997 — 1999)	287
6. <i>Книга шестая</i> «ЗМЕИНЫЕ ИГРЫ» (2000 — 2001)	319

Статьи о поэзии

Поэзия в неспецифическом смысле	340
Еще раз о поэзии	341
Символизм	342
Антиинформация	345

Мистика и символика	346
Сюрреализм	349
Неосюрреализм	350
Потребность абсолютного	351
Реализм и натурализм	352
Причина падения символизма	354
Верлибр не освобождает...	356
Постмодернизм	357
Постструктурализм	359
Смерть поэзии	360

Некоторые произведения
Александра Акулова

1. СЮР (метафизика, стихотворения, проза). СПб. 1999
2. Буквы философии. Т. 1 СПб. 2001; Т.2 СПб., 2003. СПб 2009, 2017
3. Послание вундерменам. Проза. СПб., 2010
4. Чай с мандолиной. Роман. СПб., 2010
5. Скважина. Статьи по литературной критике, культурологии, философии. СПб., 2009
6. Камень от входа, или Попытка мощи. Литературная критика, введения в философию. Торонто, 2018.

16+

Акулов Александр Сергеевич. В поисках бес-предметного, или Вести из междумирья (шесть книг стихотворений, статьи о поэзии).

ISBN 978-5-905373-16-9

9 785905 373169